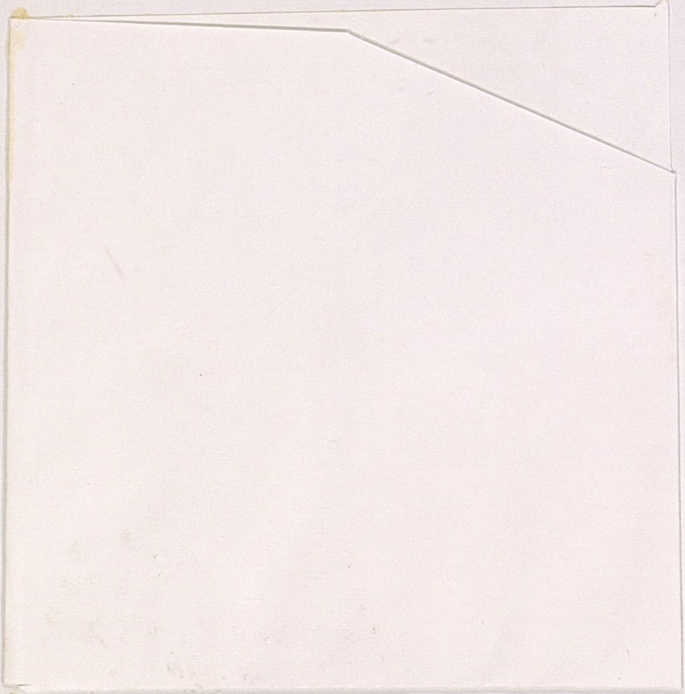


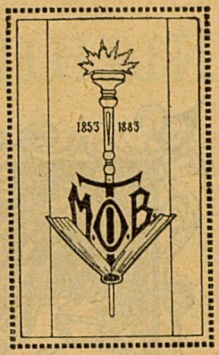
НЕОБЫКНОВЕННЫЙ КОРОЛЕВИЧЪ

ПОВѢСТЬ-СКАЗКА

Л. А. ЧАРСКОЙ

38304

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ


1853
1883
M.O.B.

Онъ былъ всецѣло занятъ ѣдою..

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ КОРОЛЕВИЧЪ

ПОВѢСТЬ-СКАЗКА ДЛЯ ДѢТЕЙ

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ рисунками И. Гурьева

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
Петроградъ | Москва
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 | Кузнец. М., 12 и Тверская, 22
1915

3830

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ
ПЕТРОГРАДЪ · ВАС · ОСТР · 16 ЛИНІЯ СОБ · ДОМЪ
1915

Гос
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

I.

Въ королевскомъ замкѣ суета и тревога. Съ растерянными лицами бѣгаютъ по комнатамъ пажи, сановники, вельможи, придворные лакеи. Всѣ волнуются и кого-то ждутъ съ нетерпѣніемъ.

Нѣсколько минутъ тому назадъ изъ королевской опочивальни выбѣжалъ маленькій пажъ, блѣдный и трясущійся, и крикнулъ:

— Королю худо! Король лежитъ безъ памяти! Король умираетъ!

Засуетились сановники, засуетились придворные. Всѣ кинулись отыскивать королев-

скаго доктора, который, какъ на зло, куда-то ушелъ.

А въ это время король Туславъ лежалъ безпомощно, распростертый на своемъ пышномъ ложѣ. Среди бѣлыхъ, набитыхъ лебяжьимъ пухомъ подушекъ покоилось его желтое, морщинистое лицо. Глаза были плотно закрыты, губы сомкнуты. Казалось, что старый король уже умеръ. Вельможи и сановники въ смятеніи окружали его постель. Испуганные пажи толпились въ дверяхъ...

Но вотъ вошелъ королевскій лейбъ-медикъ. Онъ пощупалъ пульсъ короля, послушалъ его дыханіе и, просвѣтлѣвъ лицомъ, обратился къ окружающимъ:

— Успокойтесь. Его величество король живъ. Онъ находится сейчасъ въ глубокомъ обморокѣ, но съ Божьей помощью я постараюсь привести его въ чувство.

Сказавъ это, онъ вынулъ изъ кармана какой-то пузырекъ и далъ королю понюхать.

Прошло нѣсколько минутъ, и вѣки короля Туслава зашевелились. Онъ открылъ глаза. Вздохъ облегченія вырвался у присутствующихъ.

Придя въ себя, король что-то тихо шепнулъ лейбъ-медику.

Лейбъ-медикъ, выслушавъ короля, подозвалъ къ себѣ пажа Себа, королевскаго любимца, и приказалъ ему:

— Пойди, доложи ихъ высочествамъ королевнамъ, что королю лучше, и попроси ихъ сюда.

Голубоглазый Себъ бросился исполнять порученіе врача. Спустя нѣсколько минутъ въ королевскую опочивальню вошли пять дочерей короля, пять юныхъ и прекрасныхъ королевенъ. Ихъ лица были блѣдны и взволнованы, глаза заплаканы. Онѣ очень безпокоились за жизнь своего отца.

Король, хотя уже оправился немного, все еще чувствовалъ себя очень плохо.

— Друзья мои,—обратился онъ тихимъ голосомъ къ окружающимъ:—я очень слабъ и предвижу, что скоро умру. Надо намъ позаботиться о выборѣ наслѣдника престола. Какъ вамъ извѣстно, у меня нѣтъ сына, которому я могъ бы оставить тронъ послѣ моей смерти. Поэтому необходимо подыскать такого человѣка, который, женившись на

одной изъ моихъ дочерей, сталъ бы наслѣдникомъ королевичемъ, а потомъ, послѣ моей смерти, и вашимъ королемъ. Необходимо поискать преемника мнѣ теперь же, пока я, вашъ старый король Туславъ, еще живъ. Я хочу умереть спокойно, сознавая, что наше королевство не останется ни одного часа безъ короля... Приступите же къ выбору будущаго короля не медля, друзья мои. Вы, мудрѣйшіе сановники, мои помощники въ дѣлахъ правленія, возьмите на себя трудъ подыскать достойнаго королевича. Я заранѣе даю слово признать своимъ наслѣдникомъ того человѣка, на котораго падетъ вашъ выборъ.

Договоривъ послѣднія слова, больной въ изнеможеніи опустился на подушки и сомкнулъ глаза.

— Король утомился. Ему необходимъ продолжительный отдыхъ,—произнесъ лейбъ-медикъ и немедленно удалилъ всѣхъ изъ королевской опочивальни.

Теперь у ложа больного Туслава оставались только его пять дочерей. Онѣ молча сидѣли, не смѣя шевельнуться и не произнося ни

слова, чтобы какъ-нибудь не потревожить покоя отца. Но вотъ прерывистое дыханіе короля Туслава съ каждой минутой становилось все ровнѣе, и, наконецъ, больной крѣпко и спокойно заснулъ.

Тогда королевны медленно, стараясь не шуршать своими шелковыми одеждами, поднялись со своихъ мѣстъ и подошли къ окну. Оттуда имъ была видна вся главная улица столицы, освѣщенная яркимъ солнцемъ яснаго весенняго утра.

По улицѣ двигались экипажи, сновали прохожіе, шла обычная, полная суеты, городская жизнь. А здѣсь, во дворцѣ, все было такъ угрюмо и печально нынче. И тою же печалью были полны сердца пяти юныхъ королевенъ, изъ которыхъ старшей едва минуло 20 лѣтъ, а младшей еще не исполнилось двѣнадцати.

— Дай Богъ здоровья и долгой жизни нашему доброму, великодушному отцу,—произнесла шопотомъ старшая королевна, прекрасная, черноокая и серьезная Мирра. — Мы такъ любимъ его, и перенести потерю отца намъ будетъ не легко.

— Я горячо люблю отца,—прошептала вторая, королевна Рада, голубоглазая, задумчивая съ золотистыми косами дѣвушка,— но вполнѣ согласна, что слѣдуетъ поторопиться выборомъ наслѣдника престола. Иначе насъ ждетъ горькая участь.

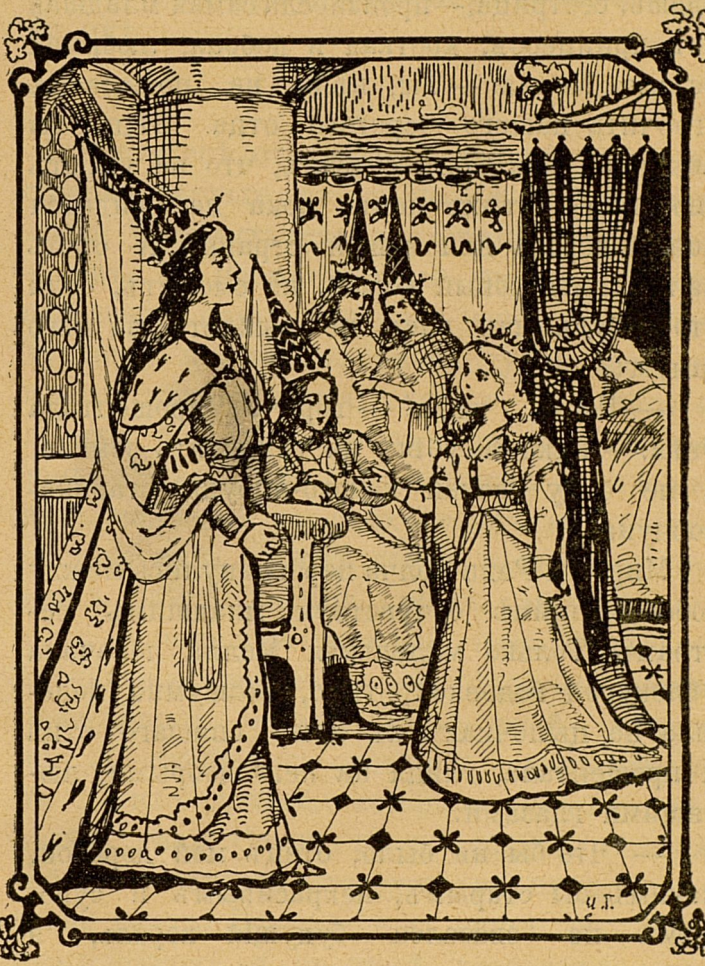
— Однако, а вдругъ наши сановники выберутъ такого королевича, который не понравится ни одной изъ насъ? — горячо произнесла третья королевна, шестнадцатилѣтняя Врея.

Она была очень горда и самостоятельна, чрезвычайно любила свободу и независимость и постоянно ссорилась со всѣми своими воспитательницами.

Четвертая принцесса, Энка, веселая, шаловливая дѣвочка, теперь поневолѣ присмирѣвшая въ виду тяжелаго состоянія отца-короля, только презрительно сложила губки, запрокинула назадъ кудрявую головку и протянула недовольнымъ тономъ:

— Если сановники остановятъ свой выборъ на какомъ-нибудь старикѣ-ворчунѣ, говорю вамъ заранѣе—не пойду за него замужъ.

— Вотъ именно этого-то ты и не сдѣ-



Вотъ этого-то и не сдѣлаешь, сестрица...

лаешь, сестрица,—произнесла самая младшая изъ принцессъ, кроткая и добрая, любимая всѣми Мелла. — Ты, вѣдь, не пожелаешь огорчить нашего дорогого отца. Вѣдь ты слышала, какъ онъ сказалъ, что не умретъ спокойно до тѣхъ поръ, пока не найдется новый король для нашей страны. А сѣсть на престолъ новый король не сможетъ, если кто-нибудь изъ насъ не выйдетъ за него замужъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — горячо прошептала Энка.—Я скорѣе убѣгу за тридевять земель, а не буду женой какого-нибудь старика-ворчуна.

Мирра и Рада молча переглянулись между собою, втайнѣ сочувствуя младшимъ сестрамъ. Только маленькая Мелла покачала бѣлокурой головкой, тихо, безшумно подошла на цыпочкахъ къ ложу спящаго отца и прошептала, глядя на него добрыми, любящими глазами:

— Что бы ни было, отецъ мой дорогой, какимъ бы старымъ, некрасивымъ и суровымъ не оказался будущій король, я исполню твою волю и выйду за него

замужъ, если онъ остановитъ свой выборъ на мнѣ.

II.

Невдалекѣ отъ королевской столицы, на опушкѣ глухого непроходимаго лѣса, стоялъ среди угрюмыхъ скалъ старинный мрачный замокъ. Въ прежнее время, еще при жизни королевы Гермы, покойной супруги короля Туслава, въ этотъ замокъ удалялась на жаркое лѣтнее время, спасаясь отъ зноя и духоты большого города, вся королевская семья. Здѣсь было такъ хорошо и прохладно подъ навѣсомъ высокихъ скалъ, вблизи тѣнистаго лѣса... Лѣтъ десять тому назадъ въ этомъ замкѣ кипѣла жизнь, звучала музыка, слышались веселые голоса, играли сигнальные рожки. А на площади замка происходили парады королевской гвардіи или же собирались охотники передъ охотой на дикихъ звѣрей, которыми кишѣлъ сосѣдній лѣсъ. Звуки рога наполняли тогда собой окрестности. Стоголосое эхо не умолкало среди скалъ. Всюду,— и въ паркѣ, окружавшемъ замокъ, и на озерѣ, расположенномъ

у подножья главнаго холма, и на опушкѣ лѣса — вездѣ звучали веселые человѣческіе голоса, сновали люди, звенѣлъ смѣхъ.

Но то было давно, когда еще совсѣмъ крошечной дѣвочкой была младшая изъ королевенъ, Мелла. Теперь же и самый замокъ и прилегавшія къ нему окрестности какъ бы совсѣмъ вымерли и затихли. Дѣло въ томъ, что смерть королевы послѣдовала въ этомъ самомъ замкѣ, и съ тѣхъ поръ король Туславъ, сраженный горемъ, уже не заглядывалъ больше туда. Одинокій и безлюдный стоялъ теперь забытый королевскій замокъ. Онъ сталъ необитаемъ, и только одинъ старый сторожъ-солдатъ жилъ тамъ и караулилъ его угрюмыя пустыя стѣны. Старикъ такъ свыкся со своимъ одиночествомъ и тишиною замка, что чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ и довольнымъ въ этомъ уединеніи.

Каково же было удивленіе стараго сторожа, когда какъ-то вечеромъ, вскорѣ послѣ захода солнца, нѣсколько блестящихъ экипажей остановились у крыльца замка. Старый Плакъ—такъ звали сторожа—не вѣрилъ своимъ глазамъ. Уже много времени никто не

появлялся здѣсь, если не считать странниковъ путешественниковъ да разносчиковъ, приносившихъ ему, сторожу Плаку, провизію изъ города. А тутъ вдругъ и блестящіе экипажи, и важные сановники, и сопровождающая ихъ стража!

Но старику не дали времени слишкомъ долго раздумывать надъ этимъ непонятнымъ явленіемъ.

— Эй, старина, пошевеливайся! Открывай намъ двери, зажигай люстры и топи каминъ въ большой залѣ,—скомандовалъ старшій изъ сановниковъ, важнаго и суроваго вида старикъ, первый министръ короля.

Оталѣвшій отъ неожиданности Плакъ рысью, насколько ему это позволяли его старыя ноги, помчался исполнять приказаніе. Вскорѣ запылалъ каминъ, и по сырой, затхлой залѣ сразу разлилось уютное тепло. Спускавшаяся съ середины потолка люстра ярко засвѣтилась. Толпа сановниковъ размѣстилась на старыхъ диванахъ и креслахъ.

— Господа,—обратился первый министръ къ своимъ помощникамъ:—совѣтую вамъ, не теряя драгоцѣннаго времени, приступить

немедленно къ выбору королевича, согласно желанію нашего короля. Я предлагаю...

Тутъ главный сановникъ назвалъ одного изъ первыхъ и важнѣйшихъ дѣятелей королевства, успѣвшаго прославиться своими мудрыми дѣлами. Но противъ него возстали другіе избиратели. Начался споръ. Каждый изъ собравшихся здѣсь людей предлагалъ своего пріятеля или знакомаго; другіе его отвергали.

— Выберемъ храбраго Орепа!—кричали одни.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Лучше умнаго Прово!—возражали другіе.

— Нѣтъ! Мы предлагаемъ Лакса!—настаивали остальные.

Споръ усиливался и разгорался съ каждой минутой, грозя перейти въ ссору. Голоса становились все громче, все взволнованнѣе съ каждымъ мгновеніемъ. Лица раскраснѣлись. Теперь важные сановники метались по залѣ, натыкаясь другъ на друга, и снова разбѣгались въ разныя стороны, отчаянно жестикулируя и крича на весь замокъ.

Начался споръ.

Такъ продолжалось всю ночь.
Плакъ со страха забрался въ свою ка-

морку и въ ужасѣ прислушивался къ тому, что происходило въ залѣ.

Между тѣмъ ночь приходила къ концу. Звѣзды замѣтно поблѣднѣли на далекомъ небѣ. Начиналъ брезжить разсвѣтъ, а королевичъ все еще не былъ выбранъ. Сановники-избиратели совсѣмъ выбились изъ силъ. Они уже не кричали больше, а хрипѣли, сипѣли. Наконецъ, передъ самымъ восходомъ солнца, первый министръ дрожащимъ отъ усталости голосомъ обратился къ собранію:

— Милостивые государи! Я нарочно пригласилъ васъ сюда въ этотъ уединенный, пустынный замокъ, чтобы здѣсь мы могли безъ помѣхи выбрать королевича. Но, какъ видно, намъ это не удастся, мы не можемъ придти къ соглашенію. А потому, во избѣжаніе дальнѣйшихъ ссоръ и споровъ, я предлагаю вотъ что: выберемъ королевичемъ то лицо, которое первымъ подойдетъ или подъѣдетъ утромъ къ воротамъ замка, будетъ ли это знакомый вельможа, или скромный крестьянинъ... Кто согласенъ со мною — пусть поднимете руку.

Едва только успѣлъ договорить эти слова

первый министръ, какъ нѣсколько десятковъ рукъ поднялось кверху.

— Отлично! Превосходно! Мы вполнѣ согласны съ вами, господинъ первый министръ!

И предложеніе перваго министра было принято всѣми.

Вскорѣ погасли свѣчи въ люстрѣ, и весенній разсвѣтъ заглянулъ въ комнату. Сановники и вельможи всѣ стали у оконъ залы, изъ которыхъ имъ была видна ведущая къ замку проѣзжая дорога.

Вооружившись терпѣніемъ, они не отрывали отъ дороги жадныхъ глазъ. Но, точно на зло, никто не появлялся. Взошло солнце, освѣтило, облило своими лучами замокъ, скалы и дорогу. Но она была попрежнему пуста. Первый министръ уже готовъ былъ допустить, что вообще никто не появится въ это утро, не подъѣдетъ къ замку, и заговорилъ было о томъ, что слѣдуетъ вернуться имъ всѣмъ въ столицу и доложить о неудавшихся выборахъ королю. Но тутъ вдругъ чей-то голосъ крикнулъ на весь залъ:

— Вотъ онъ! Вотъ онъ! Появился, наконецъ, столь желанный королевичъ!

Всѣ бросились обратно къ окнамъ, сгорая желаніемъ увидѣть будущаго короля.

III.

Прямо по направленію къ замку приближалась небольшая телѣжка, запряженная старымъ, вислоухимъ, облѣзшимъ осломъ. Въ телѣжкѣ сидѣлъ мальчикъ въ заломленной на-бекрень старой шапчонкой и въ истрепанномъ старомъ не то кафтанѣ, не то жилетѣ. Онъ помахивалъ бичомъ и мурлыкалъ себѣ подъ носъ пѣсенку... У него было славное открытое, простое лицо съ живыми бойкими глазами и очень румяными щеками.

Это былъ сынъ деревенскаго торговца, привозившій каждое утро старому сторожу Плаку молоко, хлѣбъ и мясо.

Сейчасъ мальчикъ въ самомъ безпечномъ и радостномъ настроеніи приближался къ замку. Все пріятно волновало его нынче: и весенній блескъ солнца, и свѣтлый майскій денекъ. Онъ зналъ, что дома для него приготовленъ матерью сытный горячій завтракъ, что въ полисадникѣ, за домомъ, его возвра-

щенія уже дожидается веселая рябая толстушка Мака, съ которой онъ вмѣстѣ цѣлый день пасетъ свиней. Нелько—такъ звали мальчика—былъ не только торговецъ, но и пастушокъ, и вся деревня охотно поручала ему и толстой Макѣ пасти своихъ свиней.

Мака и Нелько были сосѣдями и знали другъ друга съ младенческихъ лѣтъ. Ихъ родители давно уже рѣшили поженить друзей, когда они вырастутъ, такъ какъ дѣти были очень дружны между собой и крѣпко любили другъ друга.

И сейчасъ, вспомнивъ о предстоящей ему прогулкѣ съ Макой въ дальнія поля, со стадомъ, Нелько улыбнулся во всю ширину своего крупнаго рта и запѣлъ уже громко, во весь голосъ, весело пощелкивая бичомъ:

Я—Нелько веселый,
Я—Нелько простой.
Кто знаетъ меня,
Тотъ дружитъ со мной.
Я утромъ торгую,
А въ полдень пасу,
И близкимъ и дальнимъ
Всѣмъ радость несу.
Я—Нелько веселый.
Я...

— Стой! Ни съ мѣста далѣе!—неожиданно выскакивая изъ-за уступовъ горъ, закричали вооруженные стражники, стоявшіе у воротъ замка, и съ копьями наперевѣсъ, въ одинъ мигъ окружили телѣжку Нелько.

— Спасите!—не своимъ голосомъ завопилъ мальчикъ, съ перепуга хватая своего осла за хвостъ.

Оселъ, носившій не совсѣмъ подходящее ему имя „Розана", отчаянно забрыкался, закричалъ во все горло „Гуа-гуа-гуа-гуа" и ринулся впередъ. Одинъ изъ королевскихъ солдатъ, которымъ былъ отданъ приказъ задержать перваго прохожаго, который подойдетъ или подъѣдетъ рано утромъ къ замку, схватилъ его подъ уздцы. Въ то же время двое другихъ солдатъ бросились къ Нелько.

— Спасите!—вторично завопилъ Нелько и замахалъ руками и ногами, стараясь вырваться изъ рукъ солдатъ. При этомъ, онъ опрокинулъ кувшинъ съ молокомъ и выбросилъ всю провизію. Нелько подумалъ, что на него напали воры и, желая умилостивить ихъ, сталъ умолять:

— Пощадите меня! Берите все, что есть

Стой, ни съ мѣста далѣе!..

у меня, берите молоко, берите всю провизію, только оставьте мнѣ моего Розана.

Но вооруженные люди не обратили вни-

манія на всѣ просьбы и мольбы Нелько. Они сняли его съ телѣжки и, выстроившись передъ нимъ, какъ выстраиваются солдаты во время парада, закричали хоромъ, отчеканивая каждое слово:

— Да здравствуетъ его высочество, нашъ милостивый королевичъ!

Въ тотъ же мигъ появились и сановники, поспѣшившіе изъ замка, и присоединились къ стражѣ, громко крича:

— Да здравствуетъ королевичъ! Да здравствуетъ избранный нами королевичъ!

И, подхвативъ Нелько подъ руки, торжественно повели его въ замокъ.

Нелько не понималъ, что это значитъ.

Это было такъ ново, неожиданно и страшно для бѣднаго мальчика, что онъ присѣлъ на полъ и плотно зажмурилъ глаза.

— Не убивайте меня! Ради Бога, пощадите! Я ни въ чемъ не виноватъ. Отпустите меня домой. Умоляю васъ, отпустите!—лепеталъ блѣдный взволнованный мальчикъ.

Тогда первый министръ выступилъ впередъ и, отвѣсивъ низкій поклонъ, почтительно обратился къ Нелько:

— Ваше королевское высочество, не безпокойтесь и не бойтесь ничего. Никто не посмѣетъ причинить вамъ ни малѣйшаго вреда. Напротивъ: васъ, ваше королевское высочество, повезутъ въ столицу и отведутъ съ почетомъ во дворецъ.

— Не хо-о-чу-у во дво-о-ре-ецъ!—такъ неистово и громко заревѣлъ въ отвѣтъ Нелько, что у окружавшихъ его сановниковъ зазвенѣло въ ушахъ.

— Не хочу во дворецъ!.. Хочу въ деревню, въ нашу избу къ мамкѣ и тяткѣ!— все громче, все пронзительнѣе вопилъ неожиданный королевичъ.

Къ полному ужасу сановниковъ заревѣлъ и оставленный у воротъ замка оселъ:

— Гуа-гуа-гуа-гуа-гуа.

Оселъ ревѣлъ, Нелько вопилъ на весь замокъ, сановники метались передъ нимъ, не зная, чѣмъ утѣшить, успокоить мальчика. Наконецъ, первому министру пришла въ голову блестящая мысль.

— Ваше королевское высочество, всемилостивѣйшій королевичъ,—склонясь къ уху плачущаго мальчика, заговорилъ онъ.—Смѣю

увѣрить ваше высочество, что быть королевичемъ и наслѣдникомъ престола совсѣмъ уже не такая дурная вещь, какъ это вамъ кажется въ первую минуту.

Ревъ Нелько сразу прекратился при этихъ словахъ.

— Что?—протянулъ онъ, поглядывая вопросительно на склонившагося передъ нимъ чуть не до земли министра.

— Имѣю честь доложить вашему высочеству, что васъ ждетъ прекрасная будущность. Вѣдь вы скоро сдѣлаетесь королемъ,— съ новымъ почтительнымъ поклономъ произнесъ министръ.

— Ко-ро-лемъ?..—вытаращилъ на него изумленные глаза Нелько.—Королемъ... Я буду королемъ? Вы шутите?

— Ваше высочество... Какъ бы я дерзнулъ сказать вамъ неправду?

Нелько съ удивленіемъ и страхомъ слушалъ, что говорилъ министръ, и въ первую минуту подумалъ, что все это происходитъ во снѣ. Но затѣмъ, при видѣ самаго почтительнаго къ нему отношенія собравшихся въ замкѣ важныхъ господъ, онъ рѣшилъ,

что это вовсе не сонъ, пришелъ въ себя и даже расхрабрился.

— Быть королемъ я, пожалуй, согласенъ,—произнесъ онъ,—только должны вы всѣ мнѣ, перво на перво, поклясться, что исполните все, что я ни пожелаю.

— Заранѣе клянемся исполнить всѣ желанія вашего высочества,—торжественно поднимая руку, произнесъ первый министръ.

— Клянемся! Клянемся! Клянемся!—вторили ему и остальные присутствующіе.

— Да неужели вы говорите серьезно, неужели исполните все, что ни попрошу?—не смѣя вѣрить своимъ ушамъ, обрадовался Нелько.

Новыя клятвы сановниковъ разсѣяли послѣднія сомнѣнія Нелько.

Тогда мальчикъ сорвалъ съ головы свою засаленную шапчонку и, смущенно почесывая темя, произнесъ все еще не совсѣмъ твердымъ голосомъ:

— Прежде всего я желаю имѣть новую красную кумачную рубаху, чтобъ, когда выйду на улицу въ праздникъ, издали видать было, что самъ Нелько идетъ. А по-

томъ хочу, чтобы мнѣ насыпали въ карманъ цѣлый фунтъ подсолнуховъ. И еще хочу, чтобъ отцу моему, тятенькѣ родимому, дали новые сапоги съ подборами, а то онъ самъ никакъ не можетъ справить ихъ себѣ.

Сказалъ послѣднюю фразу Нелько, да и испугался: не слишкомъ ли требовательны его желанія, не слишкомъ ли многаго онъ пожелалъ.

Но сановники поспѣшили успокоить мальчика. Тотчасъ же одному изъ солдатъ было отдано приказаніе немедленно скакать въ городъ, купить тамъ красную рубаху, подсолнухи и сапоги и привезти все это въ замокъ. Пока же, до возвращенія посланнаго, первый министръ сталъ объяснять будущему королю высокое положеніе, въ которое угодно было поставить его судьбѣ.

Теперь Нелько не находилъ уже ничего страшнаго въ томъ, что его выбрали королевичемъ, наслѣдникомъ короля... А когда посланный вернулся и привезъ подарки, мальчикъ такъ обрадовался имъ, что кинулся на шею первому министру, и самъ

— Прежде всего я хочу имѣть красную рубаху...

сталъ торопить всѣхъ, какъ можно скорѣе ѣхать во дворецъ. Но при этомъ онъ по-

просилъ взять заодно съ нимъ и ослика Розана, которому онъ, Нелько, непремѣнно отведетъ лучшее мѣсто въ королевской конюшнѣ.

Пожавъ плечами, министръ рѣшилъ исполнить и эту просьбу маленькаго королевича.

Привезли Нелько въ королевскую столицу рано утромъ, когда еще улицы города были пустынны, и сразу водворили его въ королевскомъ дворцѣ.

Но, прежде чѣмъ устроиться самому, Нелько потребовалъ, чтобы возможно удобнѣе и лучше устроили его Розана, чтобы старому ослу дали побольше овса и свѣжаго сѣна на подстилку.

— Это хорошій знакъ, — рѣшили сановники: — значитъ, будущій король добръ сердцемъ и будетъ заботиться о судьбѣ своихъ подданныхъ.

Нелько ввели въ большую и нарядную комнату, гдѣ стояла дорогая мебель и огромная кровать съ мягкими пуховиками. Сосѣдняя комната была ванная. Прежде, нежели приняться одѣвать новаго королевича, при-

дворные отвели его въ ванную и хорошо вымыли его. Потомъ подстригли ему волосы и тогда только подали ему богатый, роскошный костюмъ королевича. Но Нелько рѣшительно заявилъ, что не станетъ одѣваться до тѣхъ поръ, пока ему не принесутъ поѣсть, и потребовалъ себѣ завтракъ.

Тотчасъ же по приказанію гофмаршала двора нѣсколько поварятъ принесли на серебряныхъ блюдахъ изысканнѣйшія кушанья. Нелько безъ всякаго стѣсненія ткнулъ пальцемъ въ ближайшее къ нему блюдо и, облизавъ запачканный соусомъ палецъ, причмокнулъ и произнесъ:

— Скусно, да не больно-то ужъ очень. А што-жъ это будетъ за кушанье, а?

— Роте изъ рябчиковъ, ваше высочество,—поспѣшили отвѣтить самымъ почтительнымъ образомъ поварята.

— Ишь ты, важная штука! А это што такое?—и Нелько запустилъ палецъ въ другое кушанье.

— А это паштетъ изъ фазана.

— Эвона! Изъ фазана? Куда хватилъ! Небось, дороги фазаны-то?

— Очень дороги, ваше высочество,—послѣдовалъ почтительный отвѣтъ.

— То-то и оно-то, что дороги, а вкуса опять же въ нихъ нѣтъ,—продолжалъ Нелько, гримасничая и слизывая соусъ съ пальцевъ.—Нѣтъ, мальцы, тащи на кухню фазановъ вашихъ да рябчиковъ. А мнѣ бы вмѣсто нихъ каши порцію хорошую отвалили бы, коли милость ваша будетъ на то. Удружите мнѣ, сударики мои, покормите меня кашей съ саломъ, а я васъ за это не оставлю, покуда буду королемъ,—уже молящимъ тономъ обратился Нелько къ поварятамъ.

Тѣ опрометью кинулись исполнять желаніе будущаго короля. И вскорѣ передъ обрадованнымъ королевичемъ появилась большая миска съ дымящейся, хорошо просаленной кашей. Это было блюдо, которое готовилось въ тотъ день для кухонныхъ мужиковъ, сторожей и дворниковъ королевскаго дворца.

Новоизбранный королевичъ съ жадностью принялся уписывать кашу за обѣ щеки.

Въ то время какъ Нелько завтракалъ, приходили министры, сановники, генералы,

спрашивая, не будетъ ли какихъ-нибудь приказаній, не нужно ли чего его высочеству.

Но Нелько, не будучи въ состояніи оторваться отъ ѣды, на всѣ вопросы только качалъ головой:

— М-м-м-мы.

Наконецъ, явился первый министръ.

— Какъ, ваше высочество, вы еще не одѣты? Вѣдь въ полдень назначенъ большой выходъ во дворцѣ, на которомъ вы будете представлены королю и вашимъ будущимъ подданнымъ!—произнесъ онъ растерянно и изумленно.

— М-м-м-мы,—снова промычалъ Нелько.

Онъ былъ очень красенъ послѣ большой порціи жирной каши. Потъ градомъ катился у него съ лица.

— Будетъ, довольно! Сытъ!—произнесъ онъ, наконецъ, тщательно облизывая ложку, когда въ мискѣ не осталось уже ничего.—Сытъ до самаго ужина таперича.—Тутъ Нелько не безъ удовольствія похлопалъ себя по животу.

Придворные стремительно кинулись къ нему, кто съ водой, кто съ полотенцемъ, кто съ кафтаномъ.

Но и тутъ Нелько остался вѣренъ себѣ: онъ ни за что не рѣшался разстаться съ красной кумачовой рубахой и позволилъ одѣть себя только послѣ того, какъ ему разрѣшили оставить рубаху подъ нарядным̀ъ королевскимъ кафтаномъ.

Наконецъ, церемонія одѣванья была закончена. Вошедшій пажъ доложилъ, что король, принцессы, первые сановники и важнѣйшіе совѣтники короля ждутъ съ нетерпѣніемъ выхода королевича.

— Пожалуйте въ залу, ваше высочество! Покажите ваши свѣтлыя очи королю и народу,—заключилъ онъ съ низкимъ поклономъ, прижимая руки къ сердцу.

Этотъ жестъ и этотъ поклонъ такъ понравились Нелько, что онъ рѣшилъ непремѣнно продѣлать то же самое, лишь только появится передъ королемъ.

* *
*

— Вотъ онъ, нашъ избранный, долгожданный королевичъ!—пронеслось, подобно шороху листьевъ, по залѣ, когда Нелько въ

сопровожденіи блестящей свиты показался на порогѣ залы.

Первое, что бросилось въ глаза мальчику, было возвышеніе, покрытое алымъ сукномъ. На тронѣ, помѣщавшемся въ самой серединѣ возвышенія, сидѣлъ самъ король. Рядомъ на рѣзныхъ креслахъ, увѣнчанныхъ коронами, помѣщались пять королевенъ. Нѣсколько въ сторонѣ стоялъ тронъ немногимъ меньше королевскаго, на которомъ никто не сидѣлъ и который, очевидно, предназначался для Нелько.

Вся огромная зала была биткомъ набита народомъ. Это были все сановники, министры, важные чиновники, тѣлохранители, пажи и фрейлины молодыхъ королевенъ.

Король, старый, сѣдой и важный, при входѣ королевича чуть привсталъ со своего мѣста и въ знакъ привѣтствія наклонилъ голову.

Сердце Нелько затрепетало отъ восторга при видѣ короля, о которомъ онъ слышалъ столько хорошаго у себя въ деревнѣ. И ему, во что бы то ни стало, захотѣлось отличиться передъ повелителемъ страны. Онъ

самымъ тщательнымъ образомъ сталъ припоминать поклонъ, который отвѣсилъ ему пажъ, и рѣшилъ въ свою очередь точно такъ же поклониться королю. Съ этой цѣлью Нелько сдѣлалъ шагъ назадъ, подпрыгнулъ вправо, затѣмъ влѣво, скакнулъ впередъ и закинулъ назадъ одну ногу. Но вдругъ споткнулся и растянулся у самаго трона короля.

Король Туславъ ахнулъ отъ неожиданности. Королевны фыркнули со смѣха и закрыли свои лица вѣерами. Сановники что-то воскликнули, а пажи опрометью кинулись поднимать королевича.

Красный, сконфуженный, потирая ушибленное мѣсто, поднялся Нелько съ пола. Слезы боли и смущенія показались у него на глазахъ.

— Ну, ужъ и полъ у тебя, господинъ король, что твой ледъ—скользкій!—пробормоталъ онъ, бросая косые взгляды на шушукавшихся вокругъ него придворныхъ.

Нелько казалось, что всѣ смѣются надъ нимъ и злорадствуютъ надъ его несчастьемъ. Но никто не думалъ смѣяться. Напротивъ, всѣ присутствовавшіе въ залѣ

Нелько растянулся у самаго трона...

очень сочувствовали юному королевичу. Только по лицамъ старшихъ принцессъ блуждали еще насмѣшливыя улыбки.

Это продолжалось, впрочемъ, лишь одно мгновеніе, потому что тотчасъ же приблизились два важныхъ сановника, взяли Нелько подъ руки и помогли ему взобраться на ступени королевскаго трона.

Старый король протянулъ Нелько руку.

— Привѣтствую ваше ысочество, королевичъ. Желаю вамъ счастливо управлять королевствомъ, когда меня не будетъ на свѣтѣ,—торжественно произнесъ Туславъ.

— Здравствуй, король!—безъ малѣйшей тѣни смущенія сказалъ Нелько, восторженно глядя въ лицо своему королю.

Все, рѣшительно все, понравилось ему въ старомъ королѣ: и осанистая внѣшность, и добрые правдивые глаза, и длинная по поясъ сѣдая борода, и бѣлые волосы, серебристой волной ниспадавшіе изъ-подъ короны.

— Здравствуй, король!—еще разъ произнесъ Нелько и такъ крѣпко тряхнулъ протянутую ему руку, что король Туславъ чуть не вскрикнулъ отъ боли. Потомъ, ни мало не смущаясь, Нелько сталъ обходить принцессъ, потряхивая изо всѣхъ силъ каждой изъ нихъ руку.

— Ай! Ай! Ай-ай-ай!—послышались тихія вскрикиванія съ возвышенія трона, и принцессы, спрятавшись за вѣерами, стали тихонько дуть себѣ на пальчики.

Между тѣмъ первый министръ, сверкая драгоцѣнными орденами и золотомъ своего расшитаго мундира, приблизился къ Нелько.

— Ваше высочество, не угодно ли вамъ будетъ выслушать торжественный актъ, составленный по порученію его величества, нашего короля, по поводу избранія васъ наслѣдникомъ престола, — предложилъ министръ, склоняясь передъ Нелько чуть ли не до земли.

— Ладно, выслушаю,—кивнулъ головою королевичъ въ отвѣтъ первому министру:— только ты, старичокъ хорошій, сдѣлай такую милость, распорядись, чтобы мнѣ подсолнуховъ принесли; они у меня въ карманахъ въ старомъ кафтанѣ остались. Такъ-то, щелкая подсолнухи, ужъ куда занятнѣе мнѣ будетъ послушать, что вы будете читать.

Легкій сдержанный смѣшокъ пронесся въ отвѣтъ на эти слова съ той стороны, гдѣ сидѣли принцессы, и придворные смущенно

опустили головы, чтобы скрыть появившіяся у нихъ на лицахъ улыбки.

Однако, по приказанію короля, былъ все-таки принесенъ мѣшочекъ съ подсолнухами для Нелько, и новый королевичъ съ довольнымъ лицомъ принялся за нихъ, безцеремонно сплевывая шелуху на полъ то въ ту, то въ другую сторону трона.

Между тѣмъ король подалъ первому министру листъ съ большою королевскою печатью, и министръ принялся громко читать по этому листу.

— Ваше королевское высочество всемилостивѣйшій королевичъ! Богу было угодно назначить васъ...

Но Нелько и не подумалъ слушать. Онъ наслаждался щелканіемъ подсолнуховъ, менѣе всего обращая вниманія на то, что дѣлается кругомъ.

Министръ читалъ. Въ залѣ было тихо, тихо... Казалось, что если бы пролетѣла вдругъ муха, то можно было бы услышать ея полетъ— такая здѣсь царила тишина. Всѣ присутствующіе замерли, внимательно прислушиваясь къ каждому слову королевской рѣчи.

— Стой! Помолчи! — вдругъ громкимъ рѣзкимъ голосомъ закричалъ Нелько, соскакивая съ трона и разсыпая всѣ оставшіеся у него въ мѣшкѣ подсолнухи.—Стой, погоди читать. Скажи лучше, куда дѣвались сапоги?

— Какіе сапоги?—недоумѣвая, проронилъ король Туславъ.

— Какіе сапоги?—изумленно, шопотомъ спрашивали другъ у друга придворные.

— Нѣтъ, вы мнѣ зубы-то не заговаривайте,—подбоченясь и обводя всѣхъ вызывающимъ взглядомъ, продолжалъ кричать Нелько:—будто не знаете, что я про тятенькины сапоги говорю, про моего отца сапоги съ подборами. Они были у меня съ собою—изъ замка-то ихъ привезли сюда, а послѣ-то я ихъ не видалъ. Такъ пусть мнѣ ихъ молодцы эти, — тутъ онъ безцеремонно ткнулъ въ сторону нарядныхъ пажей пальцемъ,—сюды принесутъ и рядомъ со мной поставятъ. Чтобы видалъ я ихъ кажиную минуту подлѣ себя.

Новое смущеніе охватило при этихъ словахъ присутствующихъ. Въ толпѣ пажей и

фрейлинъ, окружавшихъ принцессъ, послышалось сдержанное хихиканье.

Одинъ только король попрежнему хранилъ упорное спокойствіе.

По приказанію короля сапоги были принесены и поставлены подлѣ трона королевича.

Теперь Нелько казался совершенно довольнымъ. Онъ улыбался до ушей и сіялъ какъ именинникъ. Такимъ образомъ министръ могъ снова возобновить прерванное чтеніе. Королевичъ щелкалъ сѣмечки и такъ энергично выплевывалъ шелуху, что то и дѣло попадалъ ею на платья принцессъ и,—о ужасъ!—даже на колѣни самого короля.

Чтеніе продолжалось. Вдругъ Нелько неожиданно ударилъ себя по лбу, вскочилъ съ кресла и съ испуганнымъ лицомъ снова закричалъ на всю залу:

— Розанъ! Мой бѣдный Розанъ! Ему поѣсть пора, а овса, вѣрно, еще и не дали ему. Пусть же бѣгутъ скорѣй ваши молодцы въ конюшню да отсыпятъ зерна побольше бѣдному моему осленочку.

Услышавъ эти слова, король велѣлъ прекратить чтеніе.

Сконфуженные министры зашептались между собою.

— Ваше высочество...—началъ было главный сановникъ:—господинъ министръ никакъ не можетъ закончить чтеніе, пока вы... ваше высочество... Пока вы...

— Пусть раньше Розана накормятъ, а потомъ и слушать станемъ, — не унимался Нелько.

Нечего было дѣлать. Пришлось сановникамъ идти въ конюшню, удостовѣриться, накормленъ ли досыта вислоухій Розанъ или нѣтъ.

На этотъ счетъ все обстояло благополучно: передъ старымъ Розаномъ въ ясляхъ высилась цѣлая груда овса.

Сановники вернулись и объявили королевичу, что Розанъ здоровъ, сытъ и, повидимому, вполнѣ доволенъ своей судьбой.

Когда все успокоилось, король Туславъ взялъ самъ изъ рукъ перваго министра листъ и возобновилъ чтеніе.

Теперь королевичъ Нелько какъ будто весь обратился въ слухъ. Казалось, онъ внимательно слушалъ и старался запомнить

каждое слово короля Туслава. Но въ то же время глаза его не отрывались отъ одной точки. Эта точка, привлекшая вниманіе королевича, была маленькая черная мушка, спокойно разгуливавшая по коронѣ короля. Вотъ она проскользнула съ верхушки короны, усѣлась на одномъ ухѣ, снова заскользила и очутилась на королевскомъ лбу...

Этого Нелько положительно не могъ допустить.

Какъ! Какая-то негодная, нахальная мушка чувствуетъ себя какъ дома на лбу самого короля, повелителя страны! У Нелько даже духъ захватило отъ негодованія. Онъ подскочилъ къ трону короля, поднялъ руку и, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ, быстро опустилъ ее на голову старому королю.

— Вотъ тебѣ, негодная!—закричалъ онъ, и въ тотъ же мигъ звонкій, увѣсистый шлепокъ прозвучалъ подъ сводами огромной залы.

Это Нелько, желая наказать дерзкую муху, изо всей силы шлепнулъ пятерней по лбу короля.

Нелько подскочилъ къ трону, поднялъ руку...

Въ первое мгновенье никто не могъ произнести ни слова. Всѣ замерли на своихъ мѣстахъ. Потомъ, словно по командѣ, друж-

ный стонъ ужаса вырвался изъ устъ присутствующихъ. Нѣкоторыя дамы упали въ обморокъ. Принцессы соскочили со своихъ мѣстъ и, сгорая со стыда, бросились вонъ изъ залы. Министры окружили короля, прося успокоиться.

Но старый король вовсе не волновался. Старый король былъ мудръ и добръ. Онъ отлично понималъ, что не изъ желанія оскорбить его совершилъ свой необдуманный поступокъ Нелько, а изъ добраго побужденія, и вовсе не сердился на наивнаго королевича...

IV.

Прошла недѣля со дня избранія Нелько королевичемъ.

— Сегодня торжественный день для вашего высочества,—сказалъ въ одно утро министръ, входя въ комнату Нелько.

Послѣдній сидѣлъ на подоконникѣ, смотрѣлъ, какъ производилось на плацу передъ дворцомъ ученіе королевской гвардіи, и щелкалъ по обыкновенію подсолнухи, которыми

были наполнены карманы его пышнаго наряда.

Вотъ уже цѣлую недѣлю жилъ во дворцѣ новоизбранный королевичъ и никакъ не могъ привыкнуть къ новому мѣсту, къ новой жизни. Нелько даже замѣтно похудѣлъ и поблѣднѣлъ. Куда дѣвались его румянецъ и веселый блескъ его глазъ! Мальчикъ, несмотря на всю окружавшую его роскошь и довольство, тосковалъ по родной деревнѣ, по отцѣ и матери, къ которымъ рвался душой каждый часъ. Нелько чувствовалъ себя такъ, какъ, должно быть, чувствуетъ себя птица, запертая въ золотую клѣтку; онъ сильно скучалъ по утерянной волѣ.

Гулять его не отпускали вовсе. Да и нѣкогда ему было гулять: съ утра до вечера его заставляли заниматься теперь съ учителями, преподававшими ему всевозможныя науки, которыя необходимо знать королямъ. Когда же наступало время короткаго отдыха, для Нелько запрягали нарядную золоченую карету съ королевскими гербами, и, окруженный почетной стражей, новый королевичъ проѣзжалъ по главной улицѣ столицы.

Народъ бѣжалъ за его каретой, заглядывалъ въ ея оконца и громко, радостно кричалъ:

— Да здравствуетъ королевичъ!

Нелько съ грустной улыбкой поглядывалъ въ окошко кареты, завидуя послѣднему нищему мальчишкѣ, который можетъ играть на свободѣ и не находится подъ постояннымъ присмотромъ придворныхъ.

Не разъ королевичъ просилъ короля Туслава отпустить его хоть на одинъ день къ отцу и матери въ родную деревню. Но король, снисходительный и великодушный въ другихъ случаяхъ, въ этой просьбѣ рѣшительно отказывалъ Нелько.

— Когда, ваше высочество, привыкнете къ нашей жизни и къ нашимъ порядкамъ, я съ удовольствіемъ отпущу васъ въ гости въ деревню, а пока...

И это „пока“ длилось безконечно для бѣднаго королевича.

Нынче онъ проснулся въ самомъ мрачномъ расположеніи духа. И только маршированіе на плацу солдатъ да любимые подсолнухи нѣсколько развлекли его. И нужно

же было войти первому министру какъ разъ въ то время, когда, увлекшись интереснымъ зрѣлищемъ, Нелько самъ сталъ командовать:

— Вправо! Влѣво! Шагомъ маршъ! Разъ, два! Разъ, два! Лѣвой, правой! Лѣвой, правой!

— Ваше высочество! Ваше высочество! Нынѣшній день для васъ очень важенъ во всѣхъ отношеніяхъ,—началъ съ почтительнѣйшимъ поклономъ первый министръ.— Во-первыхъ, будетъ парадный банкетъ въ честь вашего высочества; во-вторыхъ, вамъ предстоитъ выбрать себѣ невѣсту и, въ-третьихъ, назначенъ большой придворный балъ...

— Эвона!—воскликнулъ, растянувъ въ широчайшую улыбку свой и безъ того широкій ротъ, королевичъ:—даже букетъ будетъ!.. Ухъ, какъ важно!..

— Не букетъ, а банкетъ. Это значитъ— обѣдъ, парадный обѣдъ, ваше высочество,— поправилъ Нелько первый министръ.

— О-о-бѣдъ? Вотъ оно что! Такъ бы и говорили. А то букетъ какой-то выдумали. Ну, да, ладно, пусть обѣдъ, а не букетъ—

мнѣ все едино. Ну, а гдѣ же будетъ этотъ банкетъ или обѣдъ?—спросилъ Нелько.

— Въ большой, парадной столовой королевскаго дворца,—отвѣтилъ министръ.

— А на обѣдѣ этомъ каша-то будетъ?—спросилъ опять Нелько.

— Если вашему высочеству угодно, то будетъ и каша.

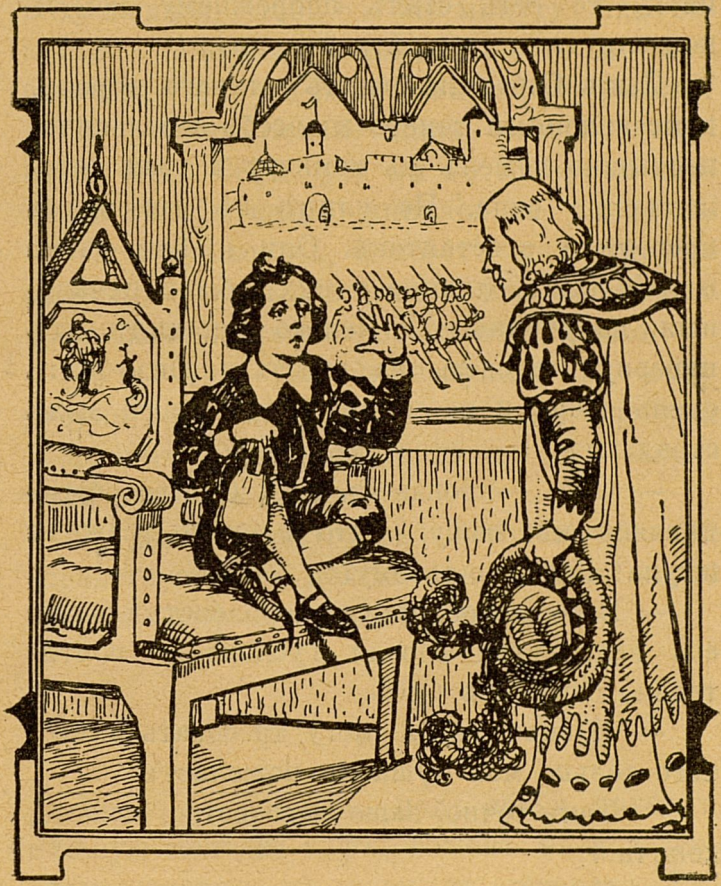
— Непремѣнно чтобы каша была, кромѣ всего прочаго. Извольте насчетъ этого ужъ распорядиться. А вотъ что касается невѣсты, такъ безпокоиться нечего; невѣсту я себѣ выбралъ давно.

— Тѣмъ лучше, ваше высочество,—обрадовался министръ, предположивъ, что Нелько говоритъ про одну изъ пяти королевенъ.

— Ну вотъ и прекрасно,—развеселился и королевичъ:—стало быть, и говорить намъ пока не о чемъ. А лучше, подите-ка на кухню да велите стряпухѣ побольше сала въ кашу положить...

— Для вашихъ подданныхъ каждое желаніе вашего высочества—законъ,—съ низкимъ поклономъ произнесъ первый министръ.

Онъ ушелъ исполнять порученіе Нелько,



— Подите-ка на кухню, да велите стряпухѣ побольше въ кашу сала положить...

а Нелько снова принялся за прерванное занятіе, то есть сталъ попрежнему грызть подсолнухи и смотрѣть въ окно.

Пажъ Себъ, любимецъ стараго короля, приставленный теперь къ особѣ королевича, неслышно вошелъ въ комнату и тоже остановился у окна. По улицѣ въ это время проводили арестантовъ. Они имѣли очень жалкій видъ, и лица у нихъ были печальныя, измученныя. У Нелько при видѣ ихъ навернулись слезы на глазахъ. Онъ былъ очень добръ и не могъ видѣть, какъ люди страдаютъ.

— Себъ,—произнесъ онъ, быстро оборачиваясь къ пажу: — что я—очень важная штука? Какъ по-твоему?

— Вы—второе лицо въ королевствѣ послѣ его величества короля Туслава... — почтительно отвѣчалъ Себъ.

— И значитъ, я могу требовать всего, чего только моя душа ни пожелаетъ?

— Такъ точно, ваше высочество, можете, конечно.

— Такъ вотъ желаю я, значитъ, чтобъ этихъ самыхъ арестантовъ сейчасъ же на

волю отпустили. Пойди и скажи начальнику конвоя, чтобъ сію же минуту ихъ отпустилъ всѣхъ до единаго, не то я такъ осерчаю, что и его самого въ тюрьму засажу.

Не успѣлъ Нелько отдать своего приказанія, какъ Себъ чуть ли не кубаремъ скатился съ лѣстницы, кинулся на улицу къ начальнику конвоя, и черезъ двѣ минуты бѣднымъ узникамъ уже было объявлено прощеніе отъ имени королевича Нелько.

Тутъ всѣ они повернулись къ окну дворца, въ которомъ виднѣлась фигура королевича, поклонились до земли и закричали что было силы:

— Да здравствуетъ королевичъ! Да здравствуетъ на долгіе годы нашъ милостивый, добрый молодой королевичъ!

V.

Ровно въ полдень, подъ звуки трубъ и нѣжную мелодію арфъ, вошелъ въ королевскую столовую, объ руку съ королемъ Туславомъ, Нелько. Блестящая свита окружала

ихъ. Нарядное праздничное одѣяніе королевича сверкало золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями. За ними слѣдовали пять королевенъ, сіяющихъ молодостью и красотой.

Огромный столъ былъ уставленъ безчисленными блюдами. Душистыя гирлянды цвѣтовъ обвивали края стола живою цѣпью.

На почетномъ концѣ стола были приготовлены мѣста для короля и наслѣдника престола; ихъ кресла утопали въ цвѣтахъ. Оркестръ, спрятанный въ бесѣдкѣ изъ пальмъ, грянулъ встрѣчный маршъ при входѣ Туслава и Нелько.

Король взялъ за руку королевича и посадилъ его подлѣ себя. На противоположномъ концѣ стола помѣстился первый министръ. Какъ только проиграла музыка, онъ поднялся со своего мѣста и началъ хвалебную рѣчь въ честь королевича, которую закончилъ такими словами:

— Нынче вашему высочеству предстоитъ трудная задача выбрать себѣ невѣсту, т. е. будущую королеву для страны. Вамъ, королевичъ, предоставляется выбирать любую

изъ дочерей всѣми обожаемаго короля Туслава. Такъ какъ вы, ваше высочество, умны и...

— Ха, ха, ха!—вдругъ оборвалъ его на серединѣ фразы Нелько:—да съ чего это вы взяли, что я уменъ, дяденька? Вѣдь я, поди-ка, и двухъ словъ ни съ кѣмъ тутъ не сказалъ...

И Нелько сново весело и звонко расхохотался, поглядывая на окружающихъ бойкими, смѣющимися глазами.

Всѣ кругомъ были страшно сконфужены и смущены такимъ неожиданнымъ замѣчаніемъ королевича. Кое-кто тихонько засмѣялся подъ шумокъ. Особенно забавной показалась выходка Нелько молодымъ королевнамъ. Но онѣ всячески удерживались отъ смѣха, не желая огорчать короля-отца.

Тотъ хранилъ свое обычное спокойствіе. Вполнѣ спокоенъ былъ и первый министръ. Какъ только кругомъ стало тише, онъ снова продолжалъ свою рѣчь. Онъ хвалилъ и расхваливалъ королевича, восторгался его умомъ, его добротою, его душевными качествами.

А Нелько слушалъ въ это время и... кушалъ, усердно, уписывая за обѣ щеки все, что ни подавалось къ столу. Онъ клалъ себѣ на тарелку двойную порцію каждаго блюда, при чемъ одну съѣдалъ самъ съ завиднымъ аппетитомъ, а другую, безо всякой церемоніи, на глазахъ всѣхъ присутствующихъ, опускалъ себѣ въ карманъ. Онъ успѣлъ уже спрятать и порядочный кусокъ паштета, и филе изъ куропатки, и порцію рыбы, и формочку сливочнаго крема.

— Что вы дѣлаете, ваше высочество!—въ испугѣ крикнулъ пажъ Себъ, стоявшій во все время обѣда за королевскимъ кресломъ и слѣдившій за всѣми поступками необыкновеннаго королевича:—вѣдь сладкое растаетъ въ карманѣ и...

— А пусть его таетъ!—весело промычалъ съ набитымъ ртомъ королевичъ.—Все же останется хоть маленечко, такъ я тятенькѣ и маменькѣ пошлю; они отъ роду такого вкуснаго пирожнаго еще не ѣдали.

И онъ снова принялся за такъ понравившееся ему сладкое блюдо.

Но вотъ кончился обѣдъ. Снова заиграла

музыка. И, подъ звуки марша, необыкновенный королевичъ съ сильно оттопырившимися карманами прослѣдовалъ, вмѣстѣ съ королемъ и приглашенными, въ танцовальный залъ.

VI.

И обѣдъ и балъ были устроены съ цѣлью дать королевичу Нелько возможность хорошенько присмотрѣться къ пяти юнымъ королевнамъ и выбрать себѣ одну изъ нихъ въ невѣсты.

За обѣдомъ Нелько и не взглянулъ даже ни на одну изъ королевенъ. Онъ былъ всецѣло занятъ ѣдою, вкусными яствами, къ которымъ привыкъ за недѣлю пребыванія во дворцѣ настолько, что ѣлъ ихъ съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ еще недавно уничтожалъ свою любимую кашу. Поэтому вся надежда перваго министра была на балъ.

„Во время бала,—думалъ онъ,—Нелько сможетъ вдоволь налюбоваться королевнами, которыя будутъ танцовать передъ нимъ и королемъ свои полные изящества и граціи танцы“...

Помѣщенные на хорахъ музыканты заиграли легкій, какъ бы воздушный вальсъ. Запѣли скрипки, задрожали арфы, тонко, какъ свирѣль, зазвучала флейта. Шумно и гулко забасилъ барабанъ...

Пестрой вереницей понеслись танцующія пары. Первыми кружились королевны объ руку съ знатнѣйшими молодыми рыцарями королевства; за ними—остальные приглашенные на балъ дамы и кавалеры.

Король и королевичъ сидѣли на возвышеніи, устроенномъ въ концѣ зала. Танцующія пары проносились мимо нихъ. Нелько, повидимому, очень заинтересовался танцами. Глаза его не отрывались отъ танцующихъ, и довольная улыбка не сходила съ его губъ.

— Ишь ты, ловко! Такъ! Здорово! Ай, да плясуны! Такъ! Такъ! — лепеталъ онъ все время и вдругъ къ полному недоумѣнію и ужасу всѣхъ присутствующихъ закричалъ на всю залу:

— Эй, музыканты, громче играй! Играй во всю, чтобы небу жарко стало!

Придворные и гости невольно вздрогнули отъ этого крика. Произошелъ переполохъ.

Пары остановились. Но это замѣшательство длилось, впрочемъ, не долго. Изъ желанія угодить будущему королю музыканты, дѣйствительно, заиграли съ такимъ увлеченіемъ, что даже никогда не пробовавшіе танцовать— и тѣ затопали и заплясали на мѣстѣ.

— Ваше высочество, не угодно ли будетъ вамъ взглянуть на королевенъ и выбрать изъ нихъ себѣ невѣсту,—подъ пѣніе флейтъ и скрипокъ, почтительнѣйше склонясь къ уху королевича, напомнилъ Нелько первый министръ.

Въ то время какъ разъ пары выступали за парою. Впереди всѣхъ танцовала старшая дочь короля, королевна Мирра. Ея прекрасное, строгое и спокойное лицо и величавыя движенія совсѣмъ смутили Нелько.

— Ишь ты, пава какая!—произнесъ онъ.— Серьезная барышня, что и говорить. Чай, бранить за кажинную малость станетъ, какъ замужъ выйдетъ. А и пляшетъ-то, ровно не пляшетъ, а дѣло какое важное дѣлаетъ. Нѣтъ, у насъ въ деревнѣ куда веселѣе Мака плясала. Вотъ бы ее сюда привести, королевенъ этихъ самыхъ поучить, какъ надо

плясать. Всѣхъ бы ихъ Мака за поясъ заткнула,—шепталъ себѣ подъ носъ королевичъ.

Пронеслась мимо него первая пара. За нею двинулась вторая.

Мечтательная, задумчивая королевна Рада медленно шагала объ руку съ важнымъ нарядным рыцаремъ—оруженосцемъ короля.

— Ха, ха, ха!—неожиданно расхохотался Нелько:—вотъ такъ плясунья! Руки въ боки, глаза въ потолоки. Кукла словно какая! Ха, ха, ха!

И онъ тутъ же передразнилъ манеру королевны Рады танцовать.

Королевна сконфузилась. Придворныя дамы смутились. Кавалеры безпокойно завертѣлись во всѣ стороны.

— Богъ знаетъ, что позволяетъ себѣ его высочество, нашъ королевичъ!—надменно произнесла Врея, третья королевна, обиженная за сестру, и кинула презрительный, негодующій взглядъ на Нелько.

Этотъ взглядъ скорѣе развеселилъ, чѣмъ огорчилъ королевича.

— Ай, да барышня!—громко крикнулъ

онъ.—Ай, да молодчина! Такой-то на ногу не наступишь! Люблю такихъ бойкихъ, право, люблю! — захлебываясь въ неподдѣльномъ восторгѣ, заключилъ онъ.

— А я не люблю невѣжъ,—сквозь зубы процѣдила Врея.

Шалунья Энка тоже вызвала насмѣшливое замѣчаніе со стороны королевича. Онъ нашелъ забавною ея вертлявую фигурку, мастерски продѣлывающую всѣ движенія танца.

Понравилась Нелько одна только Мелла—всеобщая любимица, ласковая и добрая дѣвочка, съ такими чистыми, довѣрчивыми глазами, какихъ Нелько еще и не встрѣчалъ въ своей жизни. Эти кроткіе глазки встрѣтились съ глазами королевича, и Нелько въ нихъ прочелъ жалость и сочувствіе себѣ.

„Бѣдный, бѣдный мальчикъ, мнѣ такъ жаль тебя,—какъ бы говорили безъ словъ глазки Меллы.—Заперли тебя, бѣдняжку, въ нашемъ дворцѣ, точно въ клѣтку привыкшую къ волѣ птичку, и дѣла никому нѣтъ до того, что тянетъ тебя обратно на свободу, на волю, въ зеленые поля и лѣса. Ахъ, если

бы ты могъ чувствовать, какъ сильно я жалѣю тебя, бѣдный королевичъ!"

Королевичъ Нелько почувствовалъ и это участіе, и эту жалость къ себѣ. Онъ точно прочелъ мысли, бродившія въ маленькой головкѣ королевны, и, не разсуждая больше, вскочилъ со своего мѣста, сбѣжалъ съ возвышенія, на которомъ стояло его кресло, подошелъ къ королевнѣ Меллѣ и, дружески ударивъ ее, къ всеобщему ужасу, по плечу, проговорилъ доброжелательно и ласково:

— А знаешь, ты мнѣ понравилась больше всѣхъ твоихъ сестеръ, королевна. Ты всѣхъ ихъ добрѣе, всѣхъ лучше. И ужъ коли приходится мнѣ плясать на здѣшнемъ балу, такъ я никого, кромѣ тебя, и выбирать не желаю. Давай же танцовать скорѣе. Страсть какъ весело мнѣ стало. Эй вы, музыканты, поживѣе, Да повеселѣе: самъ королевичъ плясать желаетъ!

Тутъ Нелько безцеремонно оттолкнулъ въ сторону юнаго пажа Себа, кавалера принцессы Меллы, и занялъ его мѣсто при удивленныхъ и радостныхъ взглядахъ присутствующихъ.

— Королевичъ выбралъ невѣсту! Ея высочество королевна Мелла понравилась наслѣднику престола! — пронесся сдержанный шопотъ въ нарядной толпѣ придворныхъ дамъ и кавалеровъ.

И на всѣхъ лицахъ появилась радостная улыбка.

Улыбнулся и самъ король: Мелла считалась его любимой дочерью. И старый Туславъ былъ очень доволенъ, что выборъ Нелько палъ именно на нее.

Между тѣмъ самъ Нелько снова махнулъ рукою оркестру, продолжавшему играть танецъ:

— Эй вы, музыканты, бросьте эту скучищу! Вмѣсто заунывной, тоскливой музыки, начните-ка лучше нашу деревенскую пѣсенку. Подъ нее куда лучше пляшется... Знаете, эту:

Жилъ да былъ мужичокъ,
Мужичокъ съ кулачокъ...
Звать комарикомъ
Да сударикомъ—

запѣлъ онъ, весело приплясывая и притоптывая ногами.

Музыканты сразу поняли, какую пѣсенку хочетъ королевичъ, и заиграли ее дружно и живо.

При первыхъ же звукахъ ея Нелько весь ожилъ, встрепенулся. Глаза его загорѣлись, улыбка заиграла на губахъ.

— Тра-ля-ля! Тра-ля-ля! Тру-ля-ля! Труля-ля..,—запѣлъ онъ, прищелкивая пальцами и притоптывая ногами и, схвативъ за руки принцессу Меллу, пустился съ нею въ плясъ.

Но что это былъ за танецъ! Придворные кавалеры и дамы застыли на своихъ мѣстахъ отъ изумленія, глядя во всѣ глаза, какъ прыгаетъ мячикомъ и вертится волчкомъ ихъ будущій король.

Стонъ стоялъ въ залѣ отъ топота каблуковъ и поминутныхъ взвизгиваній королевича Нелько. Разъ начавъ танецъ, онъ уже не могъ прекратить его. Знакомая, милая сердцу мелодія живо напомнила ему недалекое славное время, когда онъ былъ еще не королевичемъ, а просто Нелько, Нелько-разносчикомъ и Нелько-пастушкомъ, когда онъ могъ цѣлыми днями бѣгать на волѣ, пасти свиней, развозить молоко и колбасу

Все оживленнѣе и веселѣе плясалъ юный королевичъ...

на своей телѣжкѣ и играть съ веселой хохотуньей Макой... Сколько разъ плясали они

вмѣстѣ этотъ самый танецъ, но не въ бальной залѣ, а на лугу, гдѣ, вмѣсто звуковъ скрипокъ и флейтъ, раздавались трели жаворонковъ.

И чѣмъ больше вспоминалъ Нелько картины его прошлаго, тѣмъ оживленнѣе и веселѣе плясалъ юный королевичъ.

— Тра-ля-ля-ля! Тра-ля-ля-ля! Тру-ля-ля да тру-ля-ля!—пѣли скрипки, флейты и другіе инструменты.

Королевна Мелла, которую Нелько увлекалъ изъ одного конца зала на другой, едва передвигала ноги отъ усталости и только тихо шептала, задыхаясь:

— Довольно... довольно... Я больше не могу, ваше высочество.

Но Нелько ничего не слышалъ. Онъ весь съ головой ушелъ въ свою пляску. И только когда тяжелый каблукъ его наступилъ на ногу одной изъ неосторожно подвернувшихся фрейлинъ и та взвизгнула не своимъ голосомъ отъ боли, онъ сразу пришелъ въ себя. Музыка оборвалась. Уставшая до изнеможенія Мелла упала въ кресло, обмахиваясь вѣеромъ.

Самъ же королевичъ, ни мало не утомившійся своей бѣшеной пляской, какъ ни въ чемъ не бывало вернулся на прежнее мѣсто, подлѣ короля.

Въ тотъ же мигъ первый министръ выступилъ впередъ. Гофмаршалъ двора поднялъ свой жезлъ, и полная тишина воцарилась въ залѣ.

А затѣмъ, стукнувъ жезломъ объ полъ, гофмаршалъ произнесъ громко на всю залу:

— Его высочество изволили сдѣлать свой выборъ и разрѣшаютъ объявить о немъ народу.

Всѣ сразу устремили свой взглядъ на Нелько.

— Ваше высочество, — обратился гофмаршалъ шопотомъ къ Нелько,—вотъ теперь вы извольте сообщить собравшимся, кого вы выбрали въ невѣсты.

Нелько привсталъ со своего мѣста, обвелъ искрящимися веселыми глазами присутствующихъ и, нисколько не смущаясь, произнесъ:

— Господа хорошіе, дяденьки и тетеньки! Я вами очень доволенъ, очень вамъ благо-

даренъ и за угощеніе, и за плясъ. А потому и васъ порадовать хочу. Мнѣ сказали, что я долженъ выбрать себѣ невѣсту, такъ вотъ я выбралъ ее, выбралъ по сердцу и по нраву. Зовутъ ее Макой, живетъ она въ деревнѣ и пасетъ стадо свиней. Ужъ такая она хорошая да простая, что и сказать не могу. А пляшетъ такъ, что любо дорого. Такъ вотъ поѣзжайте за нею и привезите ее сюда. Хочу, чтобы она, когда я подрасту, стала моей женой. А тебя, милостивый король, пока что, прошу я очень, сдѣлай ты ее королевной, потому она — и добра, и хороша, и умна, и толста такъ, что въ эту дверь не влѣзетъ, пожалуй; стало быть, и болѣть не будетъ никогда. А для королевы здоровье—первое дѣло. Привезутъ сюда Маку—самъ увидишь, правду ли я говорю. Только прикажи привести ее нынче же безпремѣнно и сдѣлай королевной, пока ты не умеръ, а я не сталъ королемъ.

Тутъ Нелько упалъ передъ королемъ на колѣни, умоляя исполнить его просьбу.

Но король Туславъ ничего не отвѣтилъ на эти слова. Молчали и всѣ присутствую-

щіе, поглядывавшіе другъ на друга растерянными, смущенными глазами. Каждый изъ нихъ понялъ, насколько неисполнима просьба королевича. Вѣдь рѣшено было, что королевичъ долженъ непремѣнно жениться на одной изъ королевенъ.

Понялъ и самъ Нелько по растерянному виду короля и по смущеннымъ лицамъ придворныхъ, что его просьба неисполнима. Понялъ и, прежде нежели кто-либо успѣлъ опомниться, онъ закрылъ лицо рукавомъ своего расшитаго кафтана и заплакалъ, захныкалъ по-деревенски:

— Пропа-ала-а мо-о-я го-ло-вушка!.. Горка-ая мо-о-я судьба!..Что безъ Ма-а-ки дѣлать бу-у-ду!..

Слезы лились у него ручьями и скатывались на блестящій золотой нарядъ.

Съ какимъ восторгомъ сорвалъ бы онъ этотъ нарядъ и растопталъ бы его ногами, а вмѣсто него надѣлъ бы свои пастушескія лохмотья! Но увы! Этого нельзя было сдѣлать. Онъ былъ какъ въ плѣну.

Бѣдный Нелько! Бѣдный королевичъ!

VII.

Вечеръ. Медленно заходитъ солнце за домами королевской столицы.

Передъ дворцомъ на площади, тамъ, гдѣ обыкновенно производятся смотры и парады королевской гвардіи, сейчасъ собралось нѣсколько мальчугановъ, дѣтей придворныхъ служащихъ. Они играютъ въ лапту.

Ихъ веселые голоса долетаютъ до ушей Нелько, который, сидя на подоконникѣ, не сводитъ съ нихъ завистливыхъ глазъ. Ахъ, съ какимъ восторгомъ побѣжалъ бы онъ туда на площадь и поигралъ бы вмѣстѣ съ ними. Но нельзя и этого. Такое занятіе совсѣмъ не подобаетъ королевичу, и лишь только онъ присоединится къ играющимъ, сейчасъ же сбѣгутся его безчисленные тѣлохранители и начнутъ выкрикивать хоромъ:

— Ваше высочество, осторожнѣе! Ваше высочество, берегите свое здоровье! Развѣ можно вашему высочеству играть съ простыми дворовыми дѣтьми?

И пойдутъ ахи и охи. Тоска какая! Онъ

одинъ; родные далеко. И Мака тоже далеко. И его къ нимъ не пускаютъ и ихъ не везутъ къ нему. Какъ онъ по нимъ по всѣмъ стосковался. Однимъ бы глазкомъ поглядѣть, какъ они тамъ живутъ.

И Нелько такъ потянуло нынче домой въ деревню, что сдерживать своего желанія онъ уже не могъ.

„Убѣгу. Убѣгу отсюда безпремѣнно!“— неожиданно рѣшилъ мальчикъ.

Эта мысль о бѣгствѣ приходила ему въ голову не разъ и прежде, но сейчасъ она такъ прочно овладѣла всѣмъ его существомъ, что противиться ей Нелько уже не былъ въ состояніи.

Голоса играющихъ мальчиковъ между тѣмъ затихли.

Площадь передъ дворцомъ опустѣла. Дѣти убѣжали домой, вдоволь нашумѣвъ и натѣшившись игрой.

Стало понемногу темнѣть. А Нелько все сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ и обдумывалъ планъ своего бѣгства. Звѣзды зажглись на небѣ, и двурогій мѣсяцъ выплылъ изъ-за облаковъ.

Пажъ пришелъ доложить королевичу объ ужинѣ.

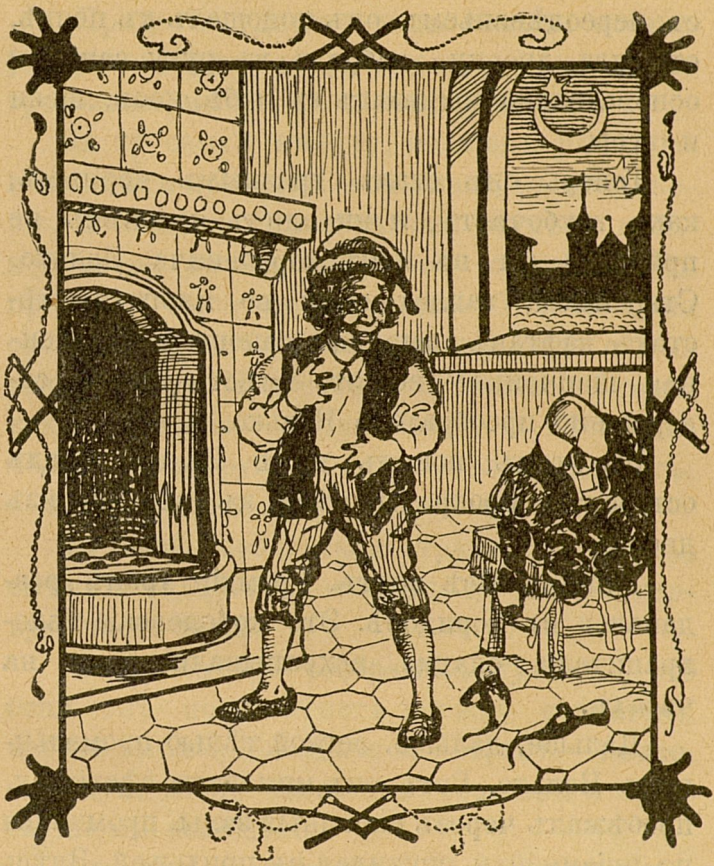
— Не хочу я ужинать нынче!—капризнымъ тономъ заявилъ ему королевичъ.

Стемнѣло. Постепенно затихли голоса во дворцѣ. Гасли одинъ за другимъ огни въ большихъ дворцовыхъ покояхъ. Наступала полночь...

Нелько осторожно сползъ съ подоконника и, крадучись, на цыпочкахъ прошелъ въ свой любимый уголокъ, гдѣ стоялъ шкапъ, въ которомъ онъ пряталъ самыя дорогія для него вещи. Въ этотъ шкапъ никто не имѣлъ права заглядывать безъ его разрѣшенія, и ключъ отъ шкапа необыкновенный королевичъ носилъ постоянно у себя въ карманѣ. Вотъ онъ вынулъ его дрожащей рукой и открылъ дверцу завѣтнаго шкапа.

На первой полкѣ лежалъ его прежній нарядъ, старенькій затрепанный костюмъ бѣднаго деревенскаго парнишки.

Нелько съ величайшей осторожностью вынулъ костюмъ изъ шкапа, сбросилъ съ себя блестящій королевскій кафтанъ и сталъ быстро и безшумно одѣваться въ свою прежъ-



Нелько сталъ грязнымъ и чернымъ, какъ трубочистъ...

нюю деревенскую одежду. Прошла минута, другая, и мальчикъ преобразился. Покончивъ

съ переодѣваньемъ, онъ подошелъ къ печкѣ, открылъ дверцу, набралъ въ руку сажи и основательно вымазалъ ею лобъ, носъ, щеки и губы.

Теперь онъ сталъ грязнымъ, чернымъ, какъ трубочистъ, и ни одинъ человѣкъ не призналъ бы въ немъ королевича Нелько. Старенькій, заплатанный во многихъ мѣстахъ кафтанъ, дырявые сапоги и засаленная шапчонка — все это вмѣстѣ взятое совершенно преобразило Нелько.

Въ этомъ новомъ видѣ Нелько сталъ осторожно прокрадываться къ выходу изъ дворца.

Тишина. Всѣ спятъ. Громкій храпъ раздавался въ коридорѣ. Это королевскіе тѣлохранители сладко всхрапывали, стоя на часахъ.

Дальше, дальше, легкой тѣнью промелькнулъ Нелько. Вотъ онъ миновалъ лѣстницу, пробѣжалъ черезъ парадныя залы, промчался по пріемной и очутился въ прихожей. Здѣсь стояла стража у входныхъ дверей. Нелько юркнулъ за тяжелую портьеру и притаился подъ нею тихій, какъ мышь.

„Придется удирать подъ самымъ носомъ у королевскихъ гвардейцевъ“, — мелькнула тревожная мысль въ головѣ мальчика.

Въ ту самую минуту, пока онъ раздумывалъ, какъ привести свой планъ въ исполненіе, послышался троекратный стукъ у входной двери съ ея наружной стороны. Въ прихожей было почти темно. Только луна освѣщала комнату, заглядывая сюда сквозь высокія окна. При свѣтѣ ея Нелько видѣлъ, какъ открылась входная дверь и нѣсколько человѣкъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ, вошли въ прихожую.

То была королевская стража, пришедшая смѣнить солдатъ, стоявшихъ на часахъ первую часть ночи.

Нелько быстро сообразилъ тутъ же, что если онъ прошмыгнетъ между солдатами первой смѣны, покидавшей дворецъ,—никто, пожалуй, и не замѣтитъ его при такомъ скудномъ освѣщеніи.

Онъ такъ и сдѣлалъ. Съ проворствомъ кошки выпрыгнулъ онъ изъ своей засады, кинулся къ двери и чуть ли не кубаремъ скатился съ высокаго крыльца. Теперь вся

его цѣль заключалась въ слѣдующемъ: проникнуть сейчасъ же, не откладывая дѣла ни на минуту, въ королевскую конюшню, гдѣ находится вислоухій Розанъ, вскочить на стараго осла и ускакать на немъ до разсвѣта, какъ можно скорѣе и дальше отъ королевской столицы. Къ счастью, ключъ отъ конюшни, гдѣ находился его любимецъ, Нелько держалъ всегда при себѣ. Никто не попался навстрѣчу Нелько, и онъ благополучно добрался до конюшни. Дрожащей рукой сунулъ онъ ключъ въ дверь, и послѣдняя безшумно открылась передъ мальчикомъ.

Тихимъ, едва слышнымъ, но безконечно радостнымъ „уа—уа“ встрѣтилъ Розанъ своего хозяина.

Ласково похлопавъ по спинѣ своего стараго друга, Нелько вывелъ Розана изъ конюшни. У самаго порога ея мальчикъ проворно вскочилъ на спину осла и, легонько ударивъ его въ бока каблуками, шепнулъ ему въ самое ухо:

— Ну, выручай хозяина, голубчикъ! Рысью, маршъ впередъ!

Но не успѣлъ сдѣлать еще перваго скачка

злополучный Розанъ, какъ чья-то быстрая рука схватила его за ухо, двѣ другія руки подхватили подмышки Нелько и безцеремонно бросили его на землю.

— Стой! Держи! Караулъ! Воры!..—закричалъ чей-то громовой голосъ надъ головою мальчика.

— Воры въ королевской конюшнѣ! Сюда! Держи! Лови!—вторилъ ему другой.

— Воры похитили любимаго осла его высочества королевича!—вопилъ третій голосъ.

Со страха Нелько присѣлъ на землю. Онъ стучалъ зубами и трясся всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ. Три дюжихъ королевскихъ конюха держали его за руки и съ гнѣвными лицами наклонились надъ нимъ, готовые проучить его за кражу осла.

— Ага, попался, негодный воришка! Будешь знать, какъ воровать чужого осла, да еще принадлежащаго самому его высочеству королевичу.

Послѣднія слова нѣсколько успокоили Нелько. Невольно пришла мысль въ голову мальчика, что если онъ назоветъ себя, признается въ томъ, что онъ не кто иной какъ

самъ королевичъ, а, слѣдовательно, уже не воръ, то его тотчасъ же отпустятъ, не посмѣютъ остановить. И дрожащимъ голосомъ онъ проговорилъ, обращаясь къ напавшимъ на него людямъ:

— Да... я... я... и есть самъ Нелько... Нелько королевичъ... Развѣ не узнали меня?

— Ха-ха-ха!—вдругъ неожиданно расхохотались конюхи:—ты, видно, молодецъ, и подлинно ума лишился со страха! Да допустимо ли, чтобы мы его высочества не узнали, своего будущаго короля?.. Нечего намъ очки-то втирать, мальчишка. Ишь что выдумалъ, скажи на милость! Онъ—королевичъ, мазилка этакій, воришка, нищій, бездѣльникъ! Небось нашъ-то королевичъ ровно сахаръ бѣлый да нарядный такой, что все на немъ блеститъ и сверкаетъ, а ты замарашка да замухрышка и еще черный вдобавокъ, ровно негръ. Отведемъ мы тебя въ тюрьму, тамъ тебѣ и покажутъ, какой такой ты на самомъ дѣлѣ королевичъ.

И, уже не слушая больше просьбъ и увѣреній Нелько, конюхи отвели мальчика къ начальнику тюрьмы, и тамъ безъ дальнихъ

Конюхи отвели Нелько къ начальнику тюрьмы...

споровъ втолкнули Нелько въ большую общую камеру, гдѣ уже находилось нѣсколько преступниковъ.

— Люди добрые, да за что-жъ вы меня этакъ-то?—взмолился было Нелько.

Но вмѣсто отвѣта дверь захлопнулась у него передъ самымъ носомъ, и ключъ щелкнулъ въ замкѣ.

Бѣдняжка королевичъ неожиданно для самаго себя превратился въ узника...

VIII.

Только на другое утро съ восходомъ солнца обнаружилось исчезновеніе королевича. Пажъ, пришедшій будить его высочество, не нашелъ Нелько въ постели. Кровать королевича оказалась пустой. Поднялся переполохъ... Искали Нелько повсюду. Искали его во дворцѣ, во всѣхъ дворцовыхъ флигеляхъ, по всѣмъ закоулкамъ, по всѣмъ аллеямъ и уголкамъ большого дворцоваго сада, по ближайшимъ и дальнимъ улицамъ и домамъ королевской столицы. Объявлена была щедрая награда тому, кто найдетъ королевича.

Тѣмъ временемъ три королевскіе конюха

пришли доложить гофмаршалу двора о ночномъ происшествіи.

— Какой-то воришка проникъ въ конюшню и пытался украсть осла его высочества королевича.

Услыша объ этомъ, гофмаршалъ призадумался, а затѣмъ сказалъ:

— Странно, очень странно, что похищеніе осла совпало съ исчезновеніемъ королевича. Вѣроятно воришка, собиравшійся украсть Розана, знаетъ о мѣстопребываніи и самого королевича Нелько. Куда вы дѣли этого воришку?

— Мы отвели его въ тюрьму,—отвѣтилъ одинъ изъ королевскихъ конюховъ.

— Въ такомъ случаѣ я пойду доложить о немъ королю...—рѣшилъ гофмаршалъ.

Король Туславъ былъ очень печаленъ въ это утро. Исчезновеніе наслѣдника престола тяжело отозвалось на немъ. Правда, Нелько не особенно годился въ королевичи и будущіе короли, но онъ былъ добръ, смышленъ, ласковъ со всѣми, и король Туславъ надѣялся, что изъ Нелько выйдетъ со временемъ хорошій правитель королевства. Къ

тому же въ избраніи королевича король видѣлъ указаніе судьбы и ни за что не рѣшался измѣнять ея рѣшенія. Словомъ, иного замѣстителя старый Туславъ уже не желалъ имѣть, и Нелько, несмотря на всѣ свои странности, вполнѣ угодилъ старому королю.

Поэтому никто не удивился, когда король, послѣ сдѣланнаго ему гофмаршаломъ сообщенія, сказалъ, обращаясь ко всѣмъ министрамъ:

— Отправляйтесь тотчасъ же въ тюрьму и объявите пойманному воришкѣ, что мы дадимъ большую награду ему, если онъ укажетъ намъ, гдѣ находится королевичъ. Ступайте, скажите ему все это поскорѣй и приведите его сюда, ко мнѣ. Я хочу изъ его устъ узнать всю правду. А узнавъ я сдѣлаю надлежащее распоряженіе, какъ вернуть обратно нашего королевича.

Едва успѣлъ произнести послѣднее слово король, какъ всѣ министры, гофмаршалъ, пажи и сановники кинулись изъ дворца въ тюрьму передать узнику слова короля Туслава.

IX.

Ветало солнце. Наступило утро. Проснулись находившіеся въ одной комнатѣ съ Нелько арестанты и, увидя новенькаго заключеннаго, привѣтствовали его громкими возгласами:

— Ага, насъ тутъ стало больше. Попался, братецъ! Однако, кто же ты? Воръ? Разбойникъ? Или другой какой-нибудь преступникъ? — насмѣшливо оглядывая со всѣхъ сторонъ Нелько, спрашивали они.

Нелько обидѣлся.

— И не воръ я, и не разбойникъ,—сердито отвѣтилъ онъ.—А попалъ я сюда по ошибкѣ, вотъ вамъ и все.

— Всѣ мы сюда по ошибкѣ попали. Да вотъ только по ошибкѣ выйти не можемъ,— произнесъ, смѣясь, старый арестантъ.

— Ха, ха, ха! Это вѣрно,—расхохотались и другіе.

— Ну, а ты, мальчуганъ, что умѣешь дѣлать, собственно говоря?—обратился къ Нелько кто-то изъ арестантовъ, оглядывая его съ головы до ногъ.

— Я-то?

— Ты-то.

Нелько ухмыльнулся.

— Свиней пасти умѣю, — отвѣтилъ онъ не безъ достоинства.

— Ха, ха, ха! Ну, это не великая заслуга пасти свиней, — расхохотались арестанты.

— И плясать умѣю, — продолжалъ, нимало не смущаясь ихъ смѣхомъ, Нелько.

— А ну-ка, попляши... А то страхъ какъ тоскливо сидѣть въ этой клѣткѣ, — замѣтилъ одинъ изъ арестантовъ.

Но Нелько было не до пляски. Бѣдняжка пришелъ въ полное отчаяніе съ той минуты, когда вмѣсто того, чтобы выйти на свободу, попалъ въ горшую неволю—въ тюрьму. Грустный и печальный, сидѣлъ онъ въ своемъ уголку, поминутно вытирая выступавшія у него на глазахъ слезы.

Вдругъ неожиданно распахнулась дверь тюрьмы, и на порогѣ ея появились всѣ знатнѣйшіе королевскіе сановники и министры.

— Гдѣ находится тотъ маленькій воришка, котораго поймали нынче ночью коро-

левскіе конюхи?—обратился первый министръ къ окружившимъ его арестантамъ.

— Вотъ онъ! Вотъ онъ! — закричали тѣ и вытолкнули впередъ не на шутку струсившаго Нелько.

Министръ не узналъ его, а онъ упалъ на колѣни передъ нимъ.

— Я не воръ. Вотъ тебѣ Истинный Богъ, дяденька, не воръ я и никогда воромъ не былъ,—задыхаясь отъ страха, лепеталъ бѣдняга.

— А собственнаго осла его высочества королевича хотѣлъ увести изъ конюшни?— строго проговорилъ первый министръ.

— Да вѣдь оселъ-то мой...—началъ было Нелько и вдругъ сразу осѣкся. Онъ вспомнилъ, что менѣе всего ему было выгодно теперь признаться въ томъ, что онъ королевичъ. Заберутъ его снова во дворецъ, будутъ караулить пуще глаза и тогда прости-прощай прежняя вольная деревенская жизнь. А отсюда, изъ тюрьмы, пожалуй, полегче будетъ вырваться, нежели изъ дворца Туслава, особенно если Нелько докажетъ свою невинность передъ сановниками. И тутъ же

Нелько сталъ горячо убѣждать всѣхъ присутствующихъ въ томъ, что онъ и не думалъ красть осла его высочества королевича.

— Ну, коли не кралъ, такъ хотѣлъ отвести его къ королевичу,—рѣшилъ вслухъ первый министръ.—А если хотѣлъ отвести осла къ королевичу, значитъ, ты знаешь, гдѣ онъ находился и гдѣ его высочество находится сейчасъ,—обратился къ Нелько тѣмъ же строгимъ суровымъ тономъ первый министръ, окруженный толпой сановниковъ и пажей.

Среди достоинствъ Нелько было его неумѣнье лгать. Поэтому, привыкшій говорить одну только правду, онъ смущенно оглядѣлъ лица важныхъ господъ, окружавшихъ его, и произнесъ, заикаясь:

— Ну да, знаю... Знаю я, гдѣ сейчасъ королевичъ.

Дружное „ахъ!“ было отвѣтомъ на его признаніе.

— Къ королю его! Къ королю! Пусть онъ откроетъ его величеству, гдѣ находится наслѣдникъ престола!—закричали, зашумѣли

и засуетились вокругъ Нелько всѣ сановники и министры.

— Гдѣ начальникъ тюрьмы? — спросилъ первый министръ.

— Я тутъ, господинъ министръ, — немедленно откликнулся тотъ.

— Распорядитесь доставить этого странаго мальчугана во дворецъ.

— Слушаюсь, господинъ министръ.

Начальникъ тюрьмы, не медля ни минуты, собралъ солдатъ и приказалъ имъ:

— Живо отвести мальчугана во дворецъ. Да смотрите, чтобы онъ какъ-нибудь по дорогѣ не скрылся. Вы жестоко поплатитесь, если ему удастся бѣжать отъ васъ.

Солдаты окружили бѣднаго Нелько и повели его изъ тюрьмы.

Не дольше какъ черезъ четверть часа Нелько стоялъ передъ самимъ королемъ Туславомъ и, отбросивъ свой страхъ при видѣ добраго, ласковаго короля, говорилъ уже безъ всякой боязни:

— Ты, значитъ, король, ваше величество, а я, значитъ, твой вѣрноподданный. Ты, можешь меня хоть казнить, хоть миловать, а

все-жъ до той поры не скажу тебѣ, твое величество, гдѣ королевичъ, пока ты мнѣ своего королевскаго честнаго слова не дашь, что мою просьбу исполнишь, какая она ни будетъ... Дашь такое слово—скажу, гдѣ королевичъ; не дашь, не скажу...

— Даю, даю! Заранѣе даю!—живо произнесъ король Туславъ, перебивая мальчика.

— Честное королевское слово?—прищурившись спросилъ Нелько.

— Честное королевское слово!—подтвердилъ король.

— Ну, ладно, коли такъ,—тряхнувъ головою, совсѣмъ уже весело проговорилъ мальчикъ и, обернувшись къ пажамъ, стоявшимъ почтительно въ отдаленіи, приказалъ имъ властнымъ тономъ:

— Эй, молодчики, тащи сюды который-нибудь изъ васъ мыло, губку да тазъ съ теплой водой.

Пажи вразсыпную кинулись исполнять странное приказаніе чумазаго мальчишки, и не успѣлъ опомниться Нелько, какъ все требуемое имъ очутилось у него передъ глазами.

Нимало не смущаясь, Нелько схватилъ губку, намылилъ ее и дочиста смылъ съ лица всю сажу. Потомъ насухо вытерся поданнымъ полотенцемъ и повернулся къ королю лицомъ.

— Да это, вѣдь, самъ королевичъ!—крикнулъ старый король, преисполненный изумленія.

— Его высочество королевичъ!—вторили ему не менѣе изумленные сановники и министры.

Но Нелько только головой покачалъ на эти слова.

— Ну, вы это ужъ не такъ говорите, дяденьки. Потому что не королевичъ я вамъ больше. Былъ королевичъ, да сплылъ королевичъ. Слыхали, вѣдь, самъ король мнѣ свое честное королевское слово далъ исполнить мою просьбу, исполнить все, чего ни захочу. А захотѣлъ я одного только: захотѣлъ я, Нелько, не быть болѣ королевичемъ. Захотѣлъ я, Нелько, на волю, къ себѣ въ деревню, къ отцу, къ матери, къ Макѣ, да къ своему свиному стаду. И, значитъ, уважь мою ты просьбу, отпусти меня, добрый

король! Хорошо у тебя въ гостяхъ, словъ нѣтъ, а дома-то получше во сто кратъ.

Замолкъ Нелько, упалъ передъ королемъ на колѣни, сложилъ съ мольбою руки и тихо еще разъ прошепталъ:

— Отпусти меня на волю, король, не то я, какъ цвѣтикъ лѣсной, у тебя зачахну. Выбирай другого королевича поумнѣе да поважнѣе меня. А я тебя за это и принцессъ твоихъ всю жизнь благословлять буду.

Подумалъ король Туславъ, и, рѣшивъ, что насильно оставлять Нелько королевичемъ нельзя, вѣдь мальчикъ не желаетъ этого, согласился исполнить просьбу. Щедро наградилъ онъ Нелько, хотя тотъ и отказывался отъ награды, и, простившись съ необыкновеннымъ королевичемъ, король отпустилъ его въ деревню.

X.

По приказанію короля въ тотъ же день къ крыльцу дворца подали придворную каляску.

— Это для вашего высочества, всемилостивѣйшій королевичъ,—почтительно, съ низкимъ поклономъ, произнесъ пажъ, обращаясь къ Нелько.

— Покорнѣйше благодарю, — отвѣтилъ смѣясь Нелько.—Но, вѣдь, я больше не королевичъ. Вы же слышали, что король всемилостивѣйше разрѣшилъ мнѣ вернуться въ деревню и стать опять пастухомъ...

— Да, но его величеству королю Туславу угодно было приказать отвезти васъ въ деревню въ придворной коляскѣ.

Нелько призадумался, а затѣмъ сказалъ:

— Что-жъ, если королю угодно, чтобы я вернулся въ деревню въ придворной каретѣ, то я покоряюсь его волѣ. Хотя, по правдѣ сказать, я бы и пѣшкомъ пошелъ... Только вотъ что: въ королевской конюшнѣ остался мой Розанъ, мой любимый осликъ. Приведите его сюда, отдайте мнѣ его...

— Сію минуту,—почтительно отвѣтилъ пажъ и бросился изъ комнаты.

И желаніе Нелько было тотчасъ исполнено.

Нелько сѣлъ въ придворную коляску, поклонился всѣмъ провожавшимъ его сановникамъ и приказалъ кучеру тронуться.

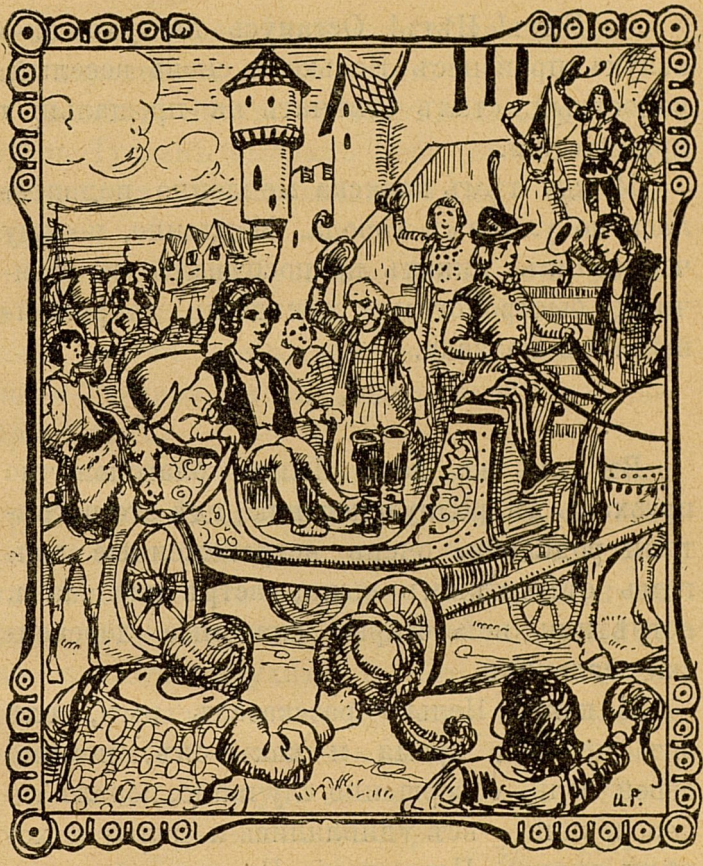
Толпившійся на улицѣ народъ съ сожалѣніемъ прощался съ бывшимъ королевичемъ, о которомъ уже по всему государству шли слухи, что онъ очень добръ и ласковъ.

Всѣ почтительно снимали передъ Нелько шляпы, провожали его добродушнымъ взглядомъ. А онъ радостный сидѣлъ въ коляскѣ, бережно держа за поводья своего вислоухаго Розана и посматривая на высокіе „тятькины сапоги“, которые онъ тоже не забылъ захватить съ собою.

— Прощай, милый пастушокъ! Прощай! Счастливаго тебѣ пути!—раздавалось со всѣхъ сторонъ.

— Прощайте! Прощайте!—произносилъ въ отвѣтъ Нелько.

Тутъ ему какъ будто жалко стало, что онъ изъ важнаго королевича, которому повиновались даже министры и желанія котораго немедленно всѣми исполнялись, опять превратился въ скромнаго, бѣднаго пастушка.



— Прощай, милый пастушокъ! Прощай...

Но это продолжалось только одно мгновеніе.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Останусь пастухомъ!— вслухъ произнесъ Нелько и снова веселый, радостный, сталъ отвѣчать на прощальныя привѣтствія.

Между тѣмъ коляска медленно подвигалась по улицамъ города. Медленно, потому что осликъ никакъ не поспѣвалъ за горячими быстроногими лошадьми, запряженными въ коляску.

* * *

Въ тотъ же день Нелько благополучно пріѣхалъ въ родную деревню, гдѣ его встрѣтили родители, очень встревоженные долгимъ отсутствіемъ сына, встрѣтила Мака, встрѣтили всѣ старые знакомые деревенскіе мальчики.

И когда Нелько разсказалъ имъ, гдѣ онъ провелъ время и какъ онъ, помимо своей воли, совершенно случайно, попалъ въ королевичи,—всѣ удивлялись и долго не хотѣли вѣрить. Похожденія Нелько всѣмъ казались сказкою, и повѣрили они лишь тогда, когда вслѣдъ за Нелько изъ королевскаго дворца прибыла цѣлая подвода съ подар-

ками, предназначенными для необыкновеннаго королевича и его родни.

На мѣсто Нелько въ наслѣдники престола король Туславъ выбралъ Себа, своего любимаго пажа, происходившаго изъ знатной семьи.

Самъ король Туславъ жилъ еще долго на свѣтѣ, а послѣ его смерти сталъ королемъ юноша Себъ, женившійся, еще при жизни Туслава, на его доброй и кроткой дочери Меллѣ.

А бывшій королевичъ Нелько, благодаря королевской щедрости и подаркамъ, по возвращеніи въ деревню сталъ богатымъ крестьяниномъ. Онъ не пасъ уже свиней съ Макой, а предоставилъ это дѣлать своимъ работникамъ-пастухамъ. Нелько и Мака поженились и были очень счастливы и довольны своей судьбой, такъ довольны, какъ не можетъ быть, пожалуй, доволенъ и счастливъ ни одинъ королевичъ въ мірѣ.

4р-219914

КОНЕЦЪ.

Библіотека слушающихъ
38304

Л. А. ЧАРСКАЯ.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА,

ИЗДАННЫЯ Т-ВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ:

*Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ одною звѣздочкою *, допущены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ библіотеки учебныхъ заведеній.*

*Книги, отмѣченныя двумя звѣздочками **, признаны Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. заслуживающими вниманія при пополненіи библіотекъ учебныхъ заведеній.*

Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ кружкомъ ○, рекомендованы Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. заведеній для чтенія кадетамъ и допущены въ ротныя библіотеки.

*○ **ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.** Повѣсть для юношества, съ илл. А. И. Сударушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*○ **КНЯЖНА ДЖАВАХА.** Повѣсть для юношества, въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина и А. И. Сударушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*○ **ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ.** Повѣсть для юнош., въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

ВТОРАЯ НИНА. Повѣсть для юношества, съ илл. И. В. Симакова. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

** **ДЖАВАХОВСКОЕ ГНѢЗДО.** Повѣсть для юнош., съ илл. И. Гурьева. Ц. 3 р.

○ **ВЕЧЕРА КНЯЖНЫ ДЖАВАХИ. Сказанія старой Барбалэ. Съ рис. Н. Н. Караванна, И. Гурьева и др. Ц. въ пер. 2 р. 25 к.

○ **ЗА ЧТО? Моя повѣсть о самой себѣ, въ 4-хъ частяхъ, съ илл. И. Гурьева. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

○ **БОЛЬШОЙ ДЖОНЪ.** Повѣсть для юношества, съ иллюстр. И. Гурьева. Изд. 2-ое. Ц. въ переплетѣ 3 р.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ. Юность Лиды Воронской. Повѣсть для юнош., съ илл. И. Гурьева.

ЦѢЛЬ ДОСТИГНУТА. Повѣсть для юношества, съ рис. И. Гурьева.

ЛѢСОВИЧКА. Повѣсть для юнош., съ илл. З. Шапиро. Изд. 2-е. Ц. въ пер. 3 р.

○ **СЕСТРА МАРИНА.** Пов. для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Ц. въ пер. 3 р.

○ **ГАЗАВАТЪ. Историческая повѣсть, съ илл. Н. Смукровича. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

○ **ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ. Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

○ **СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ. Истор. пов. для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

** **ГРОЗНАЯ ДРУЖИНА.** Историч. повѣсть, съ иллюстр. худ. С. Іванова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

ЖЕЛАННЫЙ ЦАРЬ. Истор. пов. для юнош., съ илл. И. Гурьева. Ц. 3 р. 50 к.

ЦАРСКІЙ ГНѢВЪ. Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к.

○ **ОДИНЪ ЗА ВСѢХЪ.** Повѣсть о жизни великаго подвижника земли русской. Съ иллюстр. и снимк. съ карт. Нестерова, Новоскольцева, Брюллова. Ц. въ пер. 2 р.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ. Историческій романъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

○ **ТАКЪ ВЕЛѢЛА ЦАРИЦА.** Историческая повѣсть для дѣтей, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

СИБИРОЧКА. Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. Гурьева. Изд. 2-е. Ц. въ пер. 3 р.

○ **ГОЛУБАЯ ВОЛНА.** Стихи и пѣсни для юнош., съ илл. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

* **ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ.** Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. Э. Соколовскаго. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ СИРОТКИ.** Повѣсть для дѣтей, съ илл. Э. Соколовскаго. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. В. А. Табурина и И. В. Симакова. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ТАСИНО ГОРЕ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ.** Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ДОМЪ ШАЛУНОВЪ. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера. Ц. въ переплетѣ 3 р.

○ **СЧАСТЛИВЧИКЪ. Пов. для дѣтей, съ илл. худ. И. Гурьева. Ц. въ пер. 3 р.

ЩЕЛЧОКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ рис. И. Гурьева. Ц. въ пер. 2 р. 25 к.

** **СКАЗКИ ГОЛУБОЙ ФЕИ.** Съ рис. В. Мельникова, З. Шапиро и др. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ТРИНАДЦАТАЯ. Повѣсть для дѣтей, съ рис. Спасскаго.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ. Повѣсть для юношества, съ илл. В. Полякова. Изд. 2-е. Ц. въ пап. переплетѣ 60 к.

ЛУЧШІЙ ДАРЪ. Волшебная картина въ одномъ дѣйствіи. Съ рис. М. Кипина. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

РЫЖИКЪ И ЧЕРНУШКА. Разсказъ для малютокъ, съ хром. карт. А. Гейера. Изд. 2-е. Ц. въ пап. переплетѣ 1 р. 50 к.

ВЕСЕЛАЯ ДЮЖИНКА. Книжка стишковъ для маленьк. дѣтей, съ илл. Изд. 2-е. Ц. въ папкѣ 50 к.

СМѢШНЫЯ МАЛЮТКИ. Шутки и прибаутки. Съ рис.

ВОВИКЪ. Полу-быль, полу-сказка, съ илл. барона Деметра. Ц. 30 к.

○ **НА РАДОСТЬ ЦАРЕВИЧУ.** Разсказъ изъ дѣтской жизни имп. Петра В. Съ рис. Е. Лебедевой. Ц. 15 к.

КОГДА МЫ БЫЛИ МАЛЕНЬКІЕ. Разсказы для маленькихъ дѣтей, съ хром. карт. Изд. 3-е. Ц. въ пап. переплетѣ 90 к.

НА КРАЙ СВѢТА. Разсказъ для маленькихъ дѣтей, съ илл. Б. К. Кильверта. Ц. 15 к.

СЧАСТЛИВЫЙ ЦВѢТОКЪ. Разсказъ для дѣтей мл. возр. съ рис. И. Гурьева. Ц. въ пап. 30 к.

63-4
16042